

ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

КРУГОВОЗОР

5/90

ПРАЗДНИК С СЕДИНЮЮ
НА ВИСКАХ

Герои войны: самый памятный день
К Победе! Сталин, Жуков, Монтгомери

«Черный ящик» открывает тайну
Воткинск. Секреты и конверсия

Рахманинов играет Чайковского
Пламень души Александра Галича

СЛУШАЙТЕ В КОМЕРЕ:

Песни о войне — память сердца
Музыкальный портрет Андрея Мисина

Блистательная Патрисия Каас
А. Арканов. Выборы в сумасшедшем доме

Легендарная группа «Назарет» в Москве
Танцуют зажигательную ламбаду!

Сорок пять лет отделяют нас от первого Дня Победы, когда казалось, что с войной ушла трудная, для многих и многих трагическая эпоха и теперь, после войны, жизнь непременно станет другой — безбедной, доброй, справедливой. Людям свойственно мечтать и надеяться на лучшее. Но вышло, увы, не так, как мечталось.

Все это вовсе не значит, что в трудной послевоенной жизни у людей не было своих радостей. Были, конечно. Особенно в те редкие годы, а лучше сказать, месяцы, когда наступала затишье в не прекращавшейся с 20-х годов борьбе с «врагами народа». Радостные чувства взорвались большими надеждами в годы «оттепели». Но век ее был недолог. Становилось ясно, что теперь уж не скоро что-либо изменится к лучшему и надо приспосабливаться к режиму, в котором странники образом сочетались желание казаться новым и неизбывная тоска по старому. Эпоха приспосабливаемости и власти приспособленцев охватила более четверти века. Как много всего, в том числе и горького, на памяти тех, кто прошел войну! И все-таки это была Жизнь!

За то, что страна продолжала жить и часто вопреки логике видимых процессов пробивала и пробила наконец дорогу к цивилизованному существованию, мы в сорок пятый раз почти память миллионов людей разных национальностей, разных возрастов, но в большинстве своем совсем юных, сложивших головы на дорогах долгой и страшной войны. Поклонимся и тем, кто, выйдя до конца свой воинский долг, сейчас с нами. Они сделали все, что было в их силах, для победы в войне и добились ее. Честь им и благодарность сегодня и вовеки!

В полувековом отдалении от финала войны разум особенно настойчиво зовет к размышлениям. Мы не можем уйти от горестной мысли, что заплатили за победу слишком большую цену — наши жертвы оказались во много раз большими, чем у противника. Причины этого достаточно хорошо известны.

Советская Армия победила по многим причинам вопреки многим обстоятельствам. Мне хотелось бы подчеркнуть одну из них — армия была поистине нестареющим от народа, идущего во имя ее победы на любые жертвы. Сегодня положение осложнилось. Как и вся наша жизнь, все ее институты, армия нуждается в радикальной реформе — освобождении от изживших себя структурных и идеологических стереотипов, от закрытости, загоняющей недостатки и болезни вовнутрь. Нужно сделать так, чтобы, будучи современной, эффективной, построенной на принципах разумной достаточности, изваженной от «дедовщины», бесправия и социальной незащищенности ее офицерского корпуса, армия полностью вернула себе авторитет и уважение в стране. Чтобы к тому были реальные основания, а не заключения типа: «Те давнишние армяне на поругание», что, кстати, никто не делает и делать не собирается.

Трудности жизни, неясности ее горизонтов сделали многих раздражительными. Увы, это сказывается и на отношении к ветеранам войны. Далеко не молодые (чтобы не сказать — пожилые), они часто становятся в долгую очередь там, где им разрешается подойти к прилавку без очереди. Они поступают так потому, что не хотят вызывать ропот, а то и недоуводство, не хотят напрасной траты нервов — все равно ведь ни в чем не убедить ни близких себе по возрасту, ни тем более молодых, для которых Отечественная война — далекая история.

Всему этому нет нужды удивляться. Десятилетиями за возгласами властей о всенародном уважении к ветеранам войны люди беззастыбливо равнодушно показуху и равнодушие. Да и вообще уважения к человеку, к личности не было, по сути, на всех этапах жизни общества. Но ведь сейчас и в самом деле иные времена, а равнодушие все то же. Возьмем для примера незначительный, казалось бы, факт — продовольственный заказ для ветеранов, выдаваемый (как то даже странно сказать — продаваемый) к праздничным датам. Как правило, они не видят в них ни добросовестной колбасы, выработываемой в стране и импортируемой из-за рубежа, ни нежирной рыбы, которая ведь тордуется на многочисленных столах в иных залах по разным случаям и без оных, и многого другого, что появляется время от времени даже в обычной продаже. Ну, скажите на милость, есть ли в этом что-либо, кроме нашей злудности и равнодушия?!

Печальные подобные факты. Но человеку свойственно мечтать и надеяться на лучшее. Теперь надежда реальнее, чем когда-либо раньше. И в том, что она живет еще в нашем многострадальном Отечестве, первейшая заслуга тех, кто выиграл тяжелейшую из войн, что когда-либо гремели на нашей земле. Поклонимся им!

Анна АХМАТОВА

КЛЯТВА

И та, что сегодня прощается
с мильом,

Пусть боль свою в силу она
переплавит.

Мы детям клянемся,
клянемся могилам,

Что нас покоришь никто
не заставит.

Июль 1941 г.
Ленинград

ПАМЯТИ ДРУГА

И в День Победы,
нежный и туманный,

Когда заря, как зарево, красна,
Вдовую у могилы безымянной
Хлопочет запоздалая весна.

Она с колен подытается
не спешит,

Дохнет на почку,
и траву поглядит,

И бабочку с плеча на землю
ссадит,

И первый одуванчик распушит.

Александр ТВАРДОВСКИЙ

Я УБИТ ПОДО РЖЕВОМ

...Я убит подо Ржевом,
Тот — еще под Москвой.

Где-то, войны, где вы,
Кто остался живым?

В городах миллионных,
В селах, дома в семье?

В боевых гарнизонах
Не на нашей земле?

Ах, своя ли, чужая,
Вся в цветах иль в снегу...

Я вам жить завещаю...
Что я больше могу?

Завещаю в той жизни
Вам счастливыми быть

И родимой отчизне
С честью дальше служить.

Горевать — горделиво,
Не клонясь головой,

Ликовать — не хвастливо
В час победы самой.

И беречь ее свято,
Братья, счастье свое —

В память война-брата,
Что погиб за нее.

Евгений ВИНКУРОВ

Я эти песни написал не сразу,
Я с ними по осенней мерзлоте,
С нечаяткими, по-пластунски

лазал
Сквозь черные поля на животе.

Мне эти темы подказали ноги,
Уставшие в походах от дорог.

Добытые с тяжелым потом
строки

Я, как себя, от смерти не берег.
Их ритм простой мне был

напет метелью,
Задувяное костер, и в полночь ту

Я песни грел у сердца,
под шинелью,

Одной огромной верой в теплоту.

Они бывали в деле и меж делом
Всегда со мной, как кровь моя,

как плоть.
Я эти песни выдумал всем телом,
Решившим все невзгоды

побороть.

■ Я знал его.

Огнем одним
Ладони грея, вечами

Я говорил, бывало, с ним
Примерно как теперь

... вот с вами...
И сдвинув брови с жесткой

волей,
Стоит он, бронзовый в веках...

Его ж мы звали просто — Колей.
Борис ПАСТЕРНАК

ПОБЕДИТЕЛЬ

Вы помните еще ту сухость
в горле,

Когда, бряцая голой силой зла,
Навстречу нам горлачили

и перли
И осень шагом испытаний шла?

Но правота была такой оградой,
Которой устунал любой доспех.

Всё воплотила участь
Ленинграда.

Стеной стоял он на глазах
у всех.

И вот пришло заветное мгновенье:
Он разорвал стальное кольцо.

И целый мир, стоял стившись
в отдалении,

В восторге смотрит на его лицо.
Как он велик!

Какой бессмертный жребий!
Как входит в цепь легенд

его звеню!
Всё, что возможно на земле

и небе,
Им вынесено и совершенно.

ВЕСНА

Живь нынешней весной особое.
Всё воровбев пумиха.

Я даже выразит не пробую,
Как на душе светло и тихо.

Иначе думается, пишется,
И громкою октавой в хоре

Земной могучий голос слышится
Освобожденных территорий.

Весеннее дыханье родины
Смывает след зимы

с пространства
И черные от слез обводины

С заплаканными очей славянства.
Везде трава готова вылезти,

И улицы старинной Праги
Молчат, одна другой извилистей,

Но заиграют, как овраги...
Всё дымкой сказочной

подернется,
Подобно зайчаткам по стенам

В боярской золоченой горнице
И на Василии Блаженном.

Мечтателю и полнучинику
Москва милей всего на свете.

Он дома, у первосточника
Всего, чем будет цвести

столетье.

Война всю жизнь шла за нами следом, сначала напминала о себе ночными кошмарами: рукопашным боем, свистом пуль и громом взрывов, бесконечным видением гибели товарищей. А потом она стала догонять их недугами и бессонницей. Так и живет война до сих пор в этих двух разведчиках: у одного — осколком под самым сердцем, у другого — тяжелой сердечной болезнью...

Но главное, она живет в них Памятью.

Орденосцы солдатской Славы потому и зовутся кавалерами, что не только своей фронтовой, но и всей последующей жизнью подтверждают высокое мужество и рыцарство. Бывшие рядовые солдаты второй мировой, они продолжают сражаться на рубежах, которые тоже трудны, требуют снова отваги и решительности. — сражаться на передовых позициях перестройки.

Владимир Афанасьевич ЧАЕНКОВ, сапер-разведчик, полный кавалер ордена Славы, член Всесоюзного совета ветеранов войны и труда, народный депутат СССР:

— Нам, фронтовикам, прошедшим всю войну, как говорится, от звонка до звонка, сейчас особенно больно и горько за экономические и политические катаклизмы, со-

трясающие нашу страну. Я часто теперь вспоминаю то чувство гордости и надежды, которым мы были полны, когда возвращались домой, и с которым жили и трудились после Победы.

Подумать только, протопали пол-Европы, какого противника одолели, были уверены, что после войны заживем по-человечески — ведь нам все казалось по плечу. Потому и работали, не жалея себя, ибо верили в прекрасное будущее. И к чему же мы теперь пришли?! Сейчас нас порой упрекают, что вот, мол, на войне вы были отчаянными и смелыми, а перед бюрократами спасовали... Да нет, не спасовали мы, а просто все годы жили в таком рабочем напряжении, что некогда было оглядеться. Вот и не заметили, как на наших хлебах расцвели махровым цветом фунгионеры и аппаратные захребетники, расплодился разного рода нечисть. Потому-то многие из нас чувствуют себя как бы снова на передовой, и, чего греха таить, нам, народным депутатам, порой тоже приходится тяжело, как в разведке: действовать надо быстро, с точным расчетом, и рискованно, и осмотрительно. Как бывший сапер-разведчик, уверен, что и эти «минные поля», которых оказалось немало на дорогах перестройки, мы преодолеем, как было уже не раз.

ПАМЯТЬ, ГОВОРИ!
ПОКОИ НАМ ТОЛЬКО СНИТСЯ

Илья Иванович ЗУБОВ, разведчик, полный кавалер ордена Славы, заместитель начальника финансового управления Омского облисполкома, народный депутат СССР:

— Войну я закончил молодым парнем, но была такая усталость от того ужаса и крови, через которые мы принесли нашу молодость, что всем нам, фронтовикам, хотелось раз и навсегда забыть это. Потому и профессию решил выбрать самую мирную. В самом деле, что может быть более спокойным, чем, скажем, финансовый отчет или расчет экономиста? А выходит, нет! На проверку вышло, что сегодня — это что ни на есть самые боевые и рискованные профессии.

Знаете, какие баталии разворачиваются порой в Плановой и бюджетно-финансовой комиссии Верховного Совета?! Сколько смелости, напора нужно проявить, чтобы отстоять свою точку зрения?! Я, например, продолжаю настаивать на том, чтобы взять под контроль комиссии бюджет расходов правительства. Да и другие вопросы требуют и решительности, и расчета. В общем, «на войне, как на войне». Потому что ошибаться, как и тогда, в разведке, мы не имеем права, ведь на карту поставлена судьба перестройки, судьба страны. ■

На первой звуковой странице вы услышите рассказ о Дне Победы полных кавалеров ордена Славы, ныне народных депутатов СССР И. И. Зубова и В. А. Чаенкова, которых вы видите на снимке.

Фото А. ЛИДОВА

ПОБЕДИТЕЛИ

О чем рассказывают письма фронтовиков? О подвигах, о доблести, о славе...
Идея обратиться к фронтовикам с просьбой рассказать о самом памятном эпизоде, самом памятном дне войны появилась у Д. П. Морозова, сценариста, лауреата Ленинской премии, при создании многосерийного документального фильма о Великой Отечественной войне. После того как он выступил по Центральному телевидению и рассказал о своем предложении, в творческое объединение «Экран» посыпались письма. Писали бывшие фронтовики со всех концов страны. Часть писем вошла в фильм, а остальные хранились в домашнем архиве Д. Морозова. Он собирался опубликовать их в книге, но смерть прервала эту работу. Среди множества писем фронтовиков не найдется, пожалуй, и двух похожих друг на друга. Каждое — как маленькая искорка огромного пожара, пылавшего на всю Европу. Спасибо людям, рассказавшим о самом памятном дне войны, донесенном до нас через годы и расстояния. Они не оставляют равнодушными, врезаются в память. Спасибо Дмитрию Платоновичу Морозову, собравшему и сохранившему их.

КОЖУХОВСКИЙ В. Н., солдат воздушно-десантной бригады.

В конце июля 1941 года, после тяжелого отступления, наша бригада, потропанная в боях и стычках, была отведена в недалекий тыл.

Днем возле нас остановился состав, складывавший от Москвы. К нам подошли люди, сопровождавшие состав, и, как водится, мы, закури, стали делиться последними новостями. Когда приехавшие, а это были рабочие, эвакуировавшие оборудование, рассказали о том, что был налет на Москву, что Москву бомбил немец, я от обиды и злости, от сознания собственного бессилия, собственной вины со слезами на глазах отошел от товарищей и с камнем в горле переживал свое горе. В эти минуты, самые трудные за всю войну, кончился солдат-первогодок, хотя многое бывало, и я почувствовал, что сразу повзрослел. Многие еще бывало, с боями отступали, потом пошли вперед, но этот день мне запомнился на всю жизнь.

КАЛАШНИКОВ Александр Васильевич, солдат, Кострома.

На окраине г. Умани был глиняный карьер кирпичного завода.

КАЖДЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

Яма — около километра по окружности и глубиной метров пять. В эту яму мы, пленные из уманского окружения, и были согнаны. Днем — жара, ночью — холод, о сне и думать не приходилось. Жгли костры, в которые шло все: и лишние тряпки, и шпалы узкоколейки, которые цепапили косяками, выгнанными из тех же шпал. По краям ямы немцы поставили пулеметы.

Прошло 10 дней, пищи никакой. Но вот немцы задумали позабавиться. Они спустили в яму несколько лошадей-доходят. А сами, сбившись в кучу на краю ямы, смеяся, наблюдали в бинокли, что же будут делать с этими клычонками русские «швабны». Словами и знаками, со смехом они давали понять, что эти лошади нам, чтобы мы не умерли с голоду.

Сперва несмело, с опаской, но все больше людей обступили бедных животных. Кто с перочинным ножиком, а кто и так, с голыми руками. Трудно описать все, что тут происходило: одни держали, другие вырезали мясо, третьи просто руки рвали. До сих пор не могу забыть одного пленного, который бежал от лошади. Руки его были в крови, в растегнутый ворот видна грудь до горла в крови, и гимнастерка до пояса тоже

в крови. Этот «счастливчик» резал или рвал, а куски мяса прятал за гимнастерку. До сих пор помню вид и выражение глаз. В глазах его можно было увидеть чувство вины, и жалость к животному, и в то же время ужас, что он сам дошел до положения зверя. Но он был счастлив, что у него за гимнастеркой — мясо, а это — жизнь...

АЛЕКСЕЕВ С. М., стрелок-радист 145-го отдельного танкового батальона, Калининский фронт.

Утром наш экипаж вместе с двумя другими экипажами получил задание провести разведку боем села Спас-Заулок, находящегося на Ленинградском шоссе, где сильно укрепились противник.

Вызывая огонь на себя, наши танки продвигались все дальше, в глубь села. Когда наш танк миновал последний дом на окраине села, мы почувствовали сильный толчок. Танк завертелся вокруг своей оси. Было ясно, что разбита правая гусеница. Немцы обрушили огонь по нашему танку, и он вспыхнул, как факел. Наш командир лейтенант Сарфанов отдал команду покинуть танк. Я попытался открыть запасной люк, но в это время ударил снаряд, и его осколок влип мне в правую бровь. За-

ливаясь кровью, я все же выбрался из танка, за мной вылез механик-водитель Бондарев Иван. Но под танком мы не могли долго лежать — горящая жидкость обливала нам одежду. Мы с Бондаревым решили вылезать из-под танка и ползти в разные стороны.

Ползлся я ревом немецких танкеток. Когда я лежал на снегу вниз лицом, то кровь обгарила снег. Подъехавшие немцы подумали, что я упал попадаями в голову, стали обшаривать мои карманы. Не найдя ничего, они решили разуть меня, так как на мне были новые валенки. Мне, конечно, было жаль валенки, так как мороз стоял трескучий. Я попытался воспрепятствовать и согнул пальцы ног. Но немец оказался здоровый и стащил с меня валенки и портянки. Мне пришлось лежать в снегу. Я быстро почувствовал, как кончатся мои ноги. Но вскоре услышал человеческую речь. Люди подошли к нашему горевшему танку, где лежал один я живой, а три моих боевых друга были уже мертвые. Я оторвал от своей шинели рукава и надел на ноги, а снизу у меня была куртка. Потом подошел наш танк, который доставил меня в полевой госпиталь. Ноги, конечно, поморозил, что ощущается и сейчас, но задание мы выполнили.

ДЕНИСОВ Иван Петрович, участник обороны Моонзунда.

Я воевал на острове Сааремаа. Трудно нам было, с уходом флота из Таллинна мы оказались в тылу врага за 400—500 километров. Враг нас стал бомбить с воздуха, с моря, терзая десантами. 90 дней непрерывно шли бои.

Когда нас прижали к морю (я был ранен и лежал в сарае), то, отвлекаясь от наседавших фашистов, мы ночью решили идти на прорыв.

Организовано было три отряда. Командиром нашего отряда был майор Григорий Григорьевич Слица, комиссаром — Дмитрий Беляев. Нас было 66 человек, вооруженных как попало. Мы продвигались по тылам фашистов, ведя ежедневно бои. За две недели мы прошли 150 километров, потеряв 48 человек. Голодные, все оборванные и больные, дали решительный бой в местечке Аресари. Только когда у нас не осталось ни одного патрона и мы не могли передвигаться от ран и потери крови, немцам удалось сломить наше сопротивление. Матросы Елисеев, Васильев, Медведев в рукопашном бою убили 6 фашистов. На месте боя вся земля была в крови. Против нас — а было нас 13 человек — немцы бросили в бой около

150 солдат. Нас загнали в залив, вода холодная, и был уже лед. Судороги и раны сломили нас, и было ни одного патрона или гранаты. Немцы стали вытаскивать нас из воды, но и тут Ваня Коchemas, Дима Белов и Ваня Беляев обессиленными руками душили фашистов.

ВЕРЕТЕННИКОВ Геннадий Васильевич, артиллерийский полк 131-й стрелковой дивизии.

Я был связистом-артиллеристом. Половину пути от Сталинграда до Берлина я, считая, передвигался ползком.

Июльской ночью 1942 года, форсировав Дон под городком Калач, наш полк должен был наступить в бой с фашистами. С первыми лучами солнца в небе появилось около полусотни «юнкеров». Начались бомбежки и обстрел из пулеметов. Самолеты, пикируя, включали сирены. В диком вое и разрывах степь вздыбилась. Горела пшеница, горели машины, повозки, солнце скрылось за коричневыми дымящими тучами. Над степью стоял стон раненых. Вместе с командиром дивизиона старшим лейтенантом Бугаевым и комиссаром капитаном Соболевым я находился на будущем НП дивизиона.

Когда налет закончился, послепил в балку, где находился взвод управления. Но... взвода не было. Его разбомбили фашисты. Вокруг все горело, валялись разорванные бомбами лошади, повозки, имущество связи, солдаты вместе с командовал лейтенантом Москаленко.

Таким был мой первый день на войне. Сразу потерял всех друзей, товарищей по оружию.

Все, что осталось от бойцов, собирали и похоронили на краю оврага. Спустилась ночь. Я сидел на свежем холме могилы и с ужасом ощущал, что ослеп. Ничего не вижу. Ослеп.

Наутро стало ясно, что не вижу только ночью. Днем — вижу. А что случилось и почему, я так и не понял. Никому об этом не говорил...

БРАЖНИКОВ

Владимир Евсеевич, подполковник.

Сталинградский фронт.

Налет авиации. Костюм под лестничной клеткой разрушенного дома. Слышу по завыванию — одна бомба летит прямо на нас. И точно, раздался страшный удар в трех метрах от нас. Вижу — на асфальте вырос метровый вулкан. Бросились с товарищами в сторо-

ницей. А я ползал около танка, когда танк стал крутиться над оком, чтобы его зарыть. Потом танк встал, открылся люк и на меня: «Капут, руссией!» Я бросил гранату в люк, и тогда «манштейн» перестал воевать...

МИХИН Петр Алексеевич,

1028-й артиллерийский полк, 52-я стрелковая дивизия.

На Донце перед Курской битвой наша часть месяц не могла взять «языка». Но запомнилось не лежание в кустах, бесшумное, чтобы не выдать себя, и не борьба со здоровым фашистом по колено в воде, а то, как я положил ладони на бруствер, чтобы выпрыгнуть из самой передней нашей траншеи и идти к немцам за «языком». Рвется последняя ниточка со своими, впереди — неизвестность.

СОРОКИН Петр Иванович,

солдат.

Кого из нас, 18-летних мальчишек, не волновало ожидание первого боя? Все произошло неожиданно. Батальон маршем подходил к селу и внезапно был обстрелян. Все залегли. И вот впервые, не на учениях, слышу команду: «В атаку!»

Я глянул по сторонам. Под треском и свистом пуль и снарядов

ШАГ К ПОБЕДЕ

ну. Пробежали метров 10, и землю потряс взрыв полугной бомбы. Все упали, я почему-то на спину. Ложим живые в мертвой зоне. Вижу огонь, дым, пыль, осколки и стену, падающую на нас. Сейчас накроет...

Но дома не разрушаются, как карточные домики, стены падают вначале именно так, а затем под влиянием силы тяжести обрушиваются вниз, рассыпаясь у самого фундамента. И вот все стихло. Оглушенный, я еле поднялся и, шатаясь, пошел вниз, к переправе. Там горели катер и наш деревянный домик.

Почему так запомнился этот день? Не потому ли, что ярко сияло в тот день солнце и Волга была голубая?..

ПИКУЛЬ Михаил,

солдат. Сталинград.

Против нас шел танковый корпус Манштейна. Вот с кем пришлось встретиться. Был я в полку 76-мм пулавтоматов. Сидим с двумя бойцами в одной траншее, огромный танк движется на нас, а у нас ничего нет, все снаряды уже расстреляны. Я впервые за всю войну такой танк увидел, да еще прямо перед носом. Я успел выскочить из ямы, а те двое так и остались похоронены заживо под его гусе-

солдаты прижались к земле. Огонь противника прямо жмет к земле. Что я, трус? Нет! Воскакиваю словно угорелый, что-то кричу, палю из автомата, нажимая на курок до боли в пальце. Вот показались одна, вторая фигура удирающих фашистов. Теперь мы мчимся словно на крыльях. Проскочие село, сбегам на берег реки. Откуда-то появляются люди — женщины, старики, дети. Бросаются к нам. Старик, объясняющий меня, держит крепко, словно боится, что я снова уйду назад. От него пахнет горьким дымом и еще чем-то, деревенским. Этого описать невозможно.

СТРУКОВ

Михаил Лаврович, радист, 3-я ударная армия.

В Берлине, когда наши войска начали штурм рейхстага, я был на НП командующего. Видел, как бойцы брали рейхстаг, как им приходилось отбиваться с автоматами, как иногда в дыму сражения было трудно разобрат, где фрицы, где свои. И вот 30 апреля мне посчастливилось передать открыто в микротелефон, по радио, в штаб армии, что над рейхстагом водружено красное знамя — знамя Победы.

НОЧЬ НАКАНУНЕ

Как-то по-особенному притихший майский вечер — 3 мая 1945 года.

Подходя к радиокомитету на ночное дежурство, я увидел множество легковых машин с поднятыми антеннами: «ожидают!»... Помню просторную комнату с покрытыми парусиновыми чехлами диванами — дикторскую в старом помещении Всесоюзного радиокомитета (на Путьказах), за площадью Пушкина. Бесконечные телефонные звонки: «Когда? Ну, когда же?!» Тихо открывается дверь, входит совсем тогда молодой Юрий Борисович Левитан. Мы — к нему. И у всех — одно: «Ну?!»

Молчит.
— Юрка!.. Скажи... — тормошит его Ольга Высоцкая, будто хочет выгнать давно ожидаемую, счастливую весть.
Левитан молчит.

Ночной выпуск «Последних известий» задерживается: нет сводки Совинформбюро. Наконец, прибегают со сводкой. Высоцкая и Тобиаш идут в студию читать «Последние известия», в дикторской остаются «дублеры» — Отыясова с автором этих строк. Левитан прощается с нами, уходит. Он живет недалеко, на улице Горького.

Около часу ночи диспетчер приносит нам большую статью из журнала «Воина и рабочий класс». Читаем ее попеременно: Отыясова, Тобиаш и я. Высоцкая в это время ведет концерт по другой радиопрограмме. Выходя из студии, слышим ее голос: «Передачи будут продолжаться до 3 часов 30 минут».

Тобиаша срочно вызывают наверх, к председателю радиокомитета. У диспетчера Соловьевой звонят все восемь телефонов сразу. Суетятся музыкальные редакторы и сотрудники фототеки. Поступает распоряжение: «В два ноль-ноль концерт закончить... Три раза объявить о важном сообщении... Подключить все радиостанции и передатчики страны... Давать «колокольчики» (позывные) до 2 часов 10 минут».

Левитан уже здесь, в дикторской, с отпечатанными на глянцево-бумаге листами. Сидится на диван. Чуть подрагивает бумага на коленях. Кто-то, не утерпев, заглядывает из-за плеча.

— Гуляйте, гуляйте, — строго говорит Левитан. — Не мешайте! — Юрочка, — волнуется диспетчер. — Как кончить читать, нажми кнопку в тонфильм. Не забудешь, Юрочка?

Остаются считанные секунды. Поблескивая очками, Левитан страшно медленно (или это так кажется?) идет в студию.

Я хорошо помню эту маленькую, со звукопроницаемыми стенами комнату. Представляю, как он сидится за светлый полированный стол, придвигает лампу. Еще раз всматривается в текст, откашливается. Прыгнула стрелка электрических часов. Вспыхивает табло: «МИКРОФОН ВКЛЮЧЕН!».

— Вниманию! Говорит Москва!.. Работают все радиостанции Советского Союза!..

Не верится! Хотя так ждали... Полная капитуляция врага. Фашистская Германия повержена. Каждое слово как удар бата. Мир! Свобода! Справедливость!

Прильнув к новенькому динамику, недавно появившемуся в дикторской, я слышу Указ об установлении Дня всенародного торжества. Звучат гимны стран-победительниц. Левитан возвращается.

— Ну, как читал?
— Чтò за вопрос?!

Дикторскую не узнать, в нее набилось чуть ли не сто человек. Дикторы, наши и иностранцы, редакторы, техники... Поздравляют, обнимают друг друга, не стыдясь слез. К телефонам не пробьются.

У нашей бригады — счастливое дикторское утро. Читаем для Сибири, для Дальнего Востока... Еще и еще раз. И кажется, что это не микрофоны разносят счастливую весть, а ступенчатый глас народа-победителя. ■

Борис РЯБИКИН

Так случилось, что незадолго до смерти Константина

Симонова мы оказались с ним в одной больнице.

Уже не один год нас связывали дружеские отношения,

и не было ничего удивительного, что едва ли не каждый вечер,

когда уходили последние посетители, я проводил

в палате у Константина Михайловича,

который, чувствуя слабость, старался

полеживать. Сколько удивительных историй

от него в эти незабываемые часы.

Но больше всего о маршале Жукове.

— Я близко узнал его на Халхин-Голе, летом тридцать

девятого, — вспоминал Симонов. — Конечно,

к тому времени я уже знал, что в гражданскую войну он был лихим

кавалеристом, дослужился от командира

эскадрона, до командующего Белорусским военным округом.

Его имя уже тогда было окружено легендами.

Мне рассказывали, что когда ему приказали

срочно прибыть из Минска в Москву, он спрыгнул

по телефону только одно: «Шашку брать?»

Такой уж был характер этого человека... Многие из того, что я услышал

в те вечера о великом полководце и, естественно,

записал, мне позднее довелось встречать

в различных воспоминаниях Симонова.

Все это дает мне право вернуться к его страницам, которые и предлагаются читателям.

Борис МИХАЙЛОВ

После Халхин-Гола мне ни разу не довелось увидеть Жукова, вплоть до капитуляции германской армии, но облик его продолжал складываться в моем сознании, как и в сознании всех участников войны.

Жуков был для меня человеком, которого Сталин отправил спасать положение в Ленинграде в самые критические сентябрьские дни 1941 года, а потом отозвал его оттуда под Москву в самое критическое для нее время.

Думаю, не ошибусь, сказав, что в глазах участников войны наша победа под Москвой была связана прежде всего с двумя именами: с именем Сталина, оставшегося в Москве и произнесшего 7 ноября 1941 года всем нам памятную речь на Красной площади, и с именем Жукова, принявшего командование Западным фронтом в самый катастрофический момент, когда судьба Москвы, казалось, висит на волоске.

Разумеется, и то, что Ленинград не пал, а выстоял в блокаде, и то, что немцев повернули вспять под Москвой, — историческая заслуга не двух и не двадцати человек, а многих миллионов военных и невоенных людей, результат огромных всенародных усилий. Это тем более очевидно сейчас, с дистанции времени.

Однако если говорить о роли личности в истории в применении к Жукову, то имя его связано в народной памяти и со спасением Ленинграда, и со спасением Москвы. И истоки этой памяти уходят в самую войну, в 1941 год, в живое, тогдашнее сознание современников. Этим и объясняется непоколебимость их памяти перед лицом разных событий последующего времени.

Последующий ход войны сделал особенно любимым в народе несколько имен наиболее выдающихся военачальников. Но среди них Жуков все равно остался первой любовью, завоеванной в самые трагические часы нашей судьбы и потому сильнейшей.

И когда в конце войны он был назначен командовать фронтом, двигавшимся прямо на Берлин, это казалось естественным — человеком, отстоявшим Москву, будет брать Берлин.

Понимаю, что на это можно много возразить. Можно напомнить, что Рокоссовский, командовавший до Жукова нацеленным прямо на Берлин Первым Белорусским

НАРОДНЫЙ МАРШАЛ

ПОБЕДИТЕЛИ

фронтом, был вправе считать несправедливым свое перемещение на соседний — Второй Белорусский — фронт; можно с достаточными основаниями сказать, что шедший левее Жукова Первый Украинский фронт под командованием Конева сделал для успеха Берлинской операции не меньше, чем войска, которыми командовал Жуков; наконец, можно по-разному смотреть на причины, по которым Сталин именно на этот раз в конце войны, под Берлином, координацию действий всех трех фронтов оставил за собою, а Жукова направили командовать одним из них.

Все это так. И, однако, повторяю, что, когда при участии других фронтов именно фронт Жукова взял большую часть Берлина, имперскую канцелярию и рейхстаг и именно Жукову было поручено принять безоговорочную капитуляцию германской армии, это было воспринято в народе как нечто вполне справедливое, люди считали, что так оно и должно было быть.

Очевидно, можно без преувеличений сказать, что среди присутствовавших там представителей союзного командования именно за его плечами был самый большой и трудный опыт войны. Однако капитуляцию неприятельской армии ему приходилось принимать впервые, и процедура эта была для него новой и непривычной. Если бы он сам воспринимал эту процедуру как дипломатическую, наверное, он бы чувствовал себя менее уверенно. Секрет той спокойной уверенности, с какой он руководил этой процедурой, на мой взгляд, состоял как раз в том, что он не воспринимал ее как дипломатическую. Подписание акта о безоговорочной капитуляции германской армии было для него прямым продолжением работы, которой он занимался всю войну; ему было поручено поставить на ней точку именно как военному человеку, и он поставил ее с той же уверенностью и твердостью, которая отличала его на войне.

Трудно даже мысленно проникнуть в душу другого человека, но надо думать, что Жуков ощущал себя в эти часы не только командующим фронтом, взявшим Берлин, или заместителем Верховного Главнокомандующего, но человеком, представлявшим в этом зале ту армию и тот народ, которые сделали больше всех других. И, как представитель этой армии

и этого народа, он лучше других знал и масштабы совершившегося, и меру понесенных трудов. В его поведении не было ни высокомерия, ни снисходительности. Именно для его народа только что закончившаяся война была борьбой не на жизнь, а на смерть, и он вел себя с той жесткой простотой, которая пристала в подобных обстоятельствах победителю.

В этом не оставяло сомнений даже поведение подписывавшего капитуляцию фельдмаршала Кейтеля. Надо отдать ему должное: он вел себя с подобающим достоинством. Но наряду с этим было в его поведении и нечто другое, неожиданное. Казалось бы, ни его политические взгляды, ни его мысли о собственном будущем не должны были заставить его относиться к Жукову с большим вниманием, чем к другим сидевшим в этом зале представителям союзного командования. Скорее следовало ожидать обратного. Однако логика проигранной войны помимо воли Кейтеля оказалась сильнее всего остального. Наблюдая за ним во время процедуры капитуляции, я несколько раз видел, с каким пристальным вниманием он следит за Жуковым, именно и только за ним. Это было горькое, трагическое любопытство побежденного к той силе, которую олицетворял здесь Жуков, как к силе, наиболее ненавидимой и в наибольшей степени решившей исход войны.

После подписания акта капитуляции происходил затянувшийся далеко за полночь ужин, который давало наше командование в честь союзников. Во время ужина было много не удержавшихся в моей памяти речей, но одно место в речи Жукова я запомнил. Американское и английское командование было представлено высшими авиационными начальниками — генералом Спаатсом и маршалом авиации Теддером. Уже не помню, за здоровье кого из этих двоих авиаторов произносил тост Жуков, но сказал он примерно следующее:

«Пью за ваше здоровье от имени наших солдат, которым, для того чтобы увидеть результаты вашей работы, пришлось дойти до Берлина своими ногами».

Константин СИМОНОВ

На фото: маршал Г. К. Жуков и писатель К. М. Симонов во время съемки документального фильма.

За плечами этого человека большая жизнь, полная опасностей, риска, но и счастливых удач.

Начало войны он встретил в Берлине в должности первого секретаря советского посольства. Ему удалось вернуться

домой. Всем известно, если Сталин говорил о ком-то: «Он слишком много знает», — то этот человек исчезал навсегда.

В. М. Березков знал действительно очень много. Но судьба оказалась к нему милостива, беда обошла стороной, хотя

долгие годы он работал рядом с «отцом народов», был в курсе важных государственных секретов, принимал участие

в качестве переводчика советских руководителей в такой исторической международной встрече, как Тегеранская конференция.

Дальнейшую жизнь посвятил международной журналистике. Этот материал В. Березков подготовил специально для нашего журнала.

На фото: публицист международник В. М. Березков

Когда 6 июня 1944 года разнеслась весть о том, что союзнические войска осуществили десантную операцию и высидились на побережье Франции в Нормандии и тем самым открытие второго фронта стало свершившимся фактом, советские люди вздохнули с облегчением. Правда, радость, которую все мы испытывали, была «со слезами пополам». Слишком большую цену пришлось нам заплатить — жизнями миллионов наших соотечественников, разрушенными и сожженными городами и селами, прежде чем пришла долгожданная военная помощь с Запада.

Могла ли она прийти раньше? Лично я уверен, что могла и должна. Но у большой политики свои законы...

30-е годы в нашей стране стали периодом активного сталинского наступления на собственный народ, уничтожения в обществе подлинной внутренней свободы и всех демократических явлений. Насильственная коллективизация, политические процессы, репрессии, создание античеловеческой машины ГУЛАГ — все это не могло не отпугнуть от нас народы и правительства многих и многих стран. И именно в этом в большей степени, на мой взгляд, причина того, что окончились неудачей попытки в ту пору заключить союз прежде всего с Англией и Францией, которые, видя в нас страну с режимом тоталитарного правления, боялись нам доверять. А мы, оставшись в изоляции, перед угрозой агрессии вынуждены были пойти на заключение с Гитлером пакта о ненападении. К этому документу сейчас отношение резко негативное, его признают аморальным и даже преступным. Но при всей его уязвимости я бы не стал рубить сплеча. Повторяю: мера эта была вынужденной и, может быть, единственной в условиях нестабильности обстановки, надвигающейся угрозы войны, позволяющая все же нам оттянуть на какое-то время гитлеровское вторжение и несколько отодвинуть западные границы государства.

Недоверие и осторожность, проявляемые по отношению к СССР со стороны, например, Англии, исчезли сразу же после 22 июня 1941 года. Черчилль во всеуслышание заявил, что готов оказать всяческую поддержку Советскому Союзу. Однозначной была реакция и Рузвельта. Дело оставалось за конкретными шагами.

Началась эпоха ленд-лиза. Говорю «эпоха» без всякой натяжки, ибо помощь в этой невиданной до селе в международных отношениях арендно-кредитной форме позволила нам не только компенсировать материальные и производственные потери в связи с оккупа-

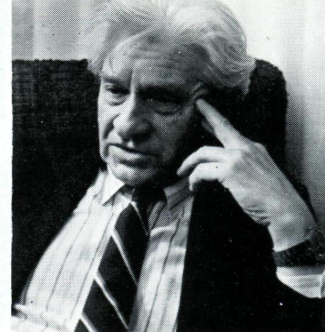
цией значительных западных территорий страны, но и снабдить армию и население в особо сложный период оружием, техникой, продовольствием. Мне лично А. И. Микоян, занимавшийся непосредственно организацией поставок по ленд-лизу, говорил, что эта помощь, особенно в первые время, когда СССР находился, можно сказать, на грани катастрофы, имела просто решающее значение.

Хочу развеять некоторые устоявшиеся мнения. Они касаются утверждения, что мы, дескать, в первых, попали в положение иждивенцев Соединенных Штатов и Англии, а во-вторых, не расплатились, как говорится, по векселям. Ошибочное, даже ложное утверждение! По договору взамен поставляемого оборудования, вооружения, техники и продовольствия советская сторона обязывалась снабжать американцев и англичан стратегическим сырьем. В шахтах Сибири, Востока и Севера денно и ночно советские люди, в том числе и сотни тысяч гулагских невольников, добывали марганец, никель, титан, вольфрам. Грузные бесценной рудой корабли регулярно отправлялись из наших северных портов. Кроме того, расплачивались и золотом. Так что если у нас и остался какой-либо долг, то совершенно незначительный...

И все же... Все же... Конечно, материальная помощь стране, попавшей в бедственное положение, — акт благородный и гуманный (хотя не думаю, что лишь благородство и гуманность тогдашних правителей союзнических держав). Но все же с нетерпением ждали открытия второго фронта. Именно такая военная помощь была необходима Советскому Союзу начиная с 1941 года.

Даже некоторые представители западных правительственных кругов считали, что наиболее благоприятный момент для открытия второго фронта — осень 1941 года, когда Германия, мобилизовав все свои силы на Востоке, оголила все, что у нее было на Западе.

В мае 1942 года во время поездки В. М. Молотова в Лондон и Вашингтон вроде бы была достигнута договоренность об открытии второго фронта. А тут же спустя некоторое время У. Черчилль приезжает в Москву и заявляет, что союзники не в состоянии выполнить обещанное, но готовят высадку войск в Северной Африке. И действительно, такая операция ими была осуществлена довольно успешно: группировка Роммеля блокируется, устраняется опасность переброски ее дивизий на Восточный фронт. Конечно, и это стало помощью нашей армии, но обстоятельства требовали большего.

ВТОРОЙ

Документально известно, что Рузвельтом было утверждено решение военного командования США, носящее, на мой (да разве только на мой?) взгляд, характер аморальный. Планами предусматривался вариант высадки союзных войск во Франции в двух случаях. Либо когда германское сопротивление начнет ослабевать и возникнет опасность, что Красная Армия может двинуться в Германию и Западную Европу. Либо если, наоборот, рухнет советское сопротивление. И вот на протяжении 1941—1943 годов союзники взвешивали: кто берет верх — СССР или Германия? Можно ли еще потянуть со вторым фронтом?

Существует мнение, что подобная нетеропливость — не нерешительность вовсе, а желание сохранить свою живую силу, максимально снизить число жертв. Если уж так оказалось, что главные противники готовы и дальше к кровопусканию, то и пусть... Но кто мне скажет, что это не циничная политика? И разве это союзническая политика? Если уж открывать правду, то до конца.

Может, не всем известен такой факт из довольно сложных, порой противоречивых отношений союзников. Сталин, видя заkulисную игру партнеров по коалиции, предложил выделить для американских и английских армий любой участок на советско-германском фронте, чтобы они могли непосредственно решать стратегические задачи и помогли избавиться от синдрома непобедимости немецко-фашистские войска. Но союзники решительно отказались от этого, выдвинув альтернативу: послать свои войска на Кавказ, в район Муранска и Архангельска для того, чтобы, мол, охранять северный и южный маршруты военных перевозок. И чтобы советские ча-

сти в этих районах были отправлены на фронт. Этот вариант, понятное, не получал поддержки нашего правительства.

Вопрос об открытии второго фронта снова повис в воздухе...

Только в ноябре 1943 года появились определенные надежды. Президент Рузвельт, направляясь на Тегеранскую конференцию, созвал на борту крейсера, который шел через Атлантику, совещание своих ближайших помощников и открыл, что настало время для открытия второго фронта. Аргументы у этого трезвомыслящего политика были неотразимы: успехи Красной Армии очевидны, скоро советские войска перейдут границу и могут

разворачиваться на Балканах. Хитро! Очень хитро! Нет, что бы там было, а не зря И. Сталин так не доверял У. Черчиллю. В какой-то мере это обходное, надо заметить, недоевие вылилось в «холодную войну», которая начала вызывать еще в недрах самой коалиции.

С Рузвельтом у Сталина сложились отношения, насколько я сам смог убедиться, довольно доверительные. И вообще я склоняюсь к убеждению: проживи и президентствуй Рузвельт дальше, возможно, и послевоенное развитие пошло бы по иному руслу... Но я забегал вперед. Вернемся в 43-й. Так вот, президент Турции

ным союзным войскам». 12—15 января Красная Армия широким фронтом протяженностью в 700 км перешла в наступление и к 1 февраля в направлении главного удара продвинулась на 500 км, освободив столицу Польши Варшаву и выйдя на Одер.

Много и других примеров сотрудничества союзников делает честь нашим народам. Оно касается обмена знамениями и обмена новинками военной техники. Так, изобретя радар, союзники не стали делать для нас секрета о таком потрясающем достижении. С другой стороны, и мы по просьбе Рузвельта и Черчилля разрешили на очень ранней стадии ознакомиться ан-

«Перед нами был один общий враг — фашизм», — говорит генерал-лейтенант авиации В. Н. Захаров, вспоминая, насколько о том, как воевал в его дивизии легендарный французский полк «Нормандия — Неман». О союзнической помощи нашим армиям, о долгом и тяжелом пути к победе рассказывается на второй звуковой странице. Вы услышите голоса Сталина и Гитлера, фельдмаршала Монтемери и маршала Жукова, побываєте в берлинском предместье Карлсхорст 8 мая 1945 года в исторический момент подписания акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии...

ФРОНТ. КАК ЭТО БЫЛО

слишком глубоко вклиниться в Центральную Европу. Рузвельт даже распорядился о создании специальных авиадесантных частей для того, чтобы они были готовы раньше русских захватить Берлин. А высадку основных союзнических сил Рузвельт посчитал целесообразным осуществить на севере Франции. Кстати, на этом варианте настаивал в Тегеране и Сталин.

Черчилль предъявил свой план: англо-американские войска должны начать операцию через Балканы. Ход мысли британского премьера распознавался отчетливо: союзническая армия, двигаясь через Софию, Белград, Вену, Будапешт, Бухарест, Прагу и Варшаву, должна вступить на территорию Германии раньше, чем туда подойдет Красная Армия. Сталин категорически возражал, Черчилль категорически упорствовал... Все могло решиться после окончательного мнения Рузвельта. И он (неожиданно для многих) поддержал Сталина. Вот в этом, по-моему, главный смысл Тегерана.

Но и после конференции Черчилль еще не оставлял попыток вырвать колесо истории в свою колею. Он встретился с президентом Турции И. Менендем с целью уговорить того объявить войну Германии, предварительно, правда, поставив в известность Сталина и Рузвельта о возможной встрече.

У Черчилля были далеко идущие планы. Он рассчитывал на то, что если турки объявят войну Германии и, допустим, вторгнутся в Болгарию, то немцы немедленно отреагируют и наверняка, конечно, займут Стамбул в считанные часы. Вот тогда уж обязательно союзникам придется спасать Турцию, и, естественно, вопрос о высадке во Франции отпадет сам собой. В таком случае второй фронт начнет

И. Именно не оправдал надежд сэра Уинстона и войны Германии не объявил.

Открытие второго фронта произошло летом 1944 года. Стратегическое значение этого события, последующих операций союзников оценено историей достаточно высоко и справедливо. Вот лишь некоторые их наиболее крупные успешные наступления. Уже в июле — августе взломана оборона немецко-фашистских войск, завершившаяся освобождением северо-западной части Франции и Парижа. В этих боевых действиях приняли самое активное участие французские маки. К 10 сентября немцы были выбиты из южной и юго-западной Франции. В 1945 году союзники завершили освобождение Италии, провели ряд операций, выйдя к началу мая на Эльбу, в районы Чехословакии и Австрии. Там-то и произошли их встречи с советскими войсками. В ожесточенных боях союзники понесли ощутимые потери. Вечная память погибшим...

И все же, по моему глубокому убеждению, более значительную роль сыграла моральная сторона дела. И на германские армии, и на дивизии ее союзников открытие второго фронта действовало деморализующе. А нашей армии, нашему тылу это прибавило сил и, я бы сказал, вдохновения. Советский Союз продемонстрировал к тому же высший союзнический долг. Накануне Ялтинской конференции, в январе 1945 года, английские и американские части попали в чрезвычайно тяжелое положение в Арденнах, в Бельгии. Рузвельт и Черчилль обратились за помощью в Москву.

Из послания И. Сталина У. Черчиллю: «Вы можете не сомневаться, что мы сделаем все, что только возможно сделать для того, чтобы оказать содействие нашим слав-

гийским и американским специалистам с нашими «РС» — гвардейскими минометами, «катюшами». Но есть, к сожалению, и примеры обратного свойства. Уверен, вы, уважаемые читатели «Кружозора», поняли, что я имею в виду. Да, атомную бомбу. Секретом такого страшного оружия американцы не стали с нами делиться. И лишь уже в Потсдаме, в июле 1945 года, Труман, сменивший на президентском посту умершего Рузвельта, сообщил Сталину о факте существования атомной бомбы, полагая, что, имея такой «весомый» аргумент, он сможет добиться определенных уступок со стороны Советского Союза в ряде вопросов. Так что, конечно, это была своеобразная ложка дегтя в наших только-только начавших развиваться послевоенных отношениях, которые, к сожалению, вскоре (не без помощи и нашей политики) трансформировались в свою противоположность. Повелею «их» холодной войной, заскрипел, опускаясь, «наш» железный занавес.

Но хотя многое из позитивного опыта отношений и взаимопонимания в годы войны оказалось затем стертым и даже уничтоженным обеими сторонами, хотя мы обоим не преуспели в создании «образа врага», ростки дружелюбия и сотрудничества, пробившиеся под канонаду второго фронта, дали всходы. Они заметнее с каждым годом. Мы все более стремимся к открытому диалогу, к честному партнерству, к взаимному интеллектуальным и культурным ценностям.

И пусть рукопожатие на Эльбе, оставив глубокий след в душах поколений времен войны, станет символом дружелюбия и доброты, достойных звания человека планеты Земля. ■

Валентин БЕРЖКОВ

2

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Для любого музыканта важна не биография в привычном понимании, а творческая судьба. И все же некоторые сведения биографии Андрея Мисина мне хочется привести. Он окончил музыкальное училище и Алма-Атинскую консерваторию. Причем с успехом. Багаж его музыкальных знаний не мал. Сколько промелькнуло на наших глазах музыкантов-дилетантов, которые в жесткой конкурентной борьбе быстро выходят из игры! Только на внешних

лик». Его путь — путь поисков, проб и ошибок. Но он до всего хотел дойти сам, без чьей-то подсказки. Может, поэтому так затянулся победительный дебют.

Первая песня Мисина «Чужой», сделавшая его знаменитым, имеет свою историю. Мама подарила ему на день рождения сборник известного латышского поэта Иманта Зиедониса, в котором Андрея потрясли стихи о Христе. Мелодия пришла сразу же.

Андрей упорно искал для нее свой ритм, свои звуковые краски. Постепенно она становилась все медленнее, приближаясь к эпосу. Автор не задумывался над тем, окажется ли запись модной, шлягерной. Главной его задачей было создать свой музыкальный образ, одновременно независимый от поэтической строки и связанный с ней. Кто-то призывал его к простоте, обвинял в зауми. Действительно, музыка «Чужого» непривычна. Как сказал Андрей, в ней он хотел осуществить свои симфонические идеи. Три года в пяти студиях записывал он ее. Песню поняли и приняли. И что ему особенно дорого: успех у слушателей совпал с мнением компетентного жюри.

Андрей Мисин стал победителем трех музыкальных конкурсов: «50 x 50», «Магический кристалл», «Ступень к Парнасу». Но, может быть, главная его радость была в другом. Как-то в Центральном концертном зале «Россия» к Андрею подошла композитор Лора Квинт и сказала, что его песни нравятся детям. Дети искренни в своих суждениях. У них чуткое и безошибочное отношение к прекрасному.

Андрея не интересует коммерция. Его любимый композитор М. Мусоргский. Он может, забыв о времени, часами рассказывать о его музыке, увлекательно говорить о русской песне, длинной и певучей. В творчестве часто выходит за рамки песни. Он мечтает попробовать свои силы и в других жанрах. «В этом году все придется начинать с нуля!» Мне запомнились эти слова, произнесенные им искренне, без всякой рисовки. Он не собирается развивать свой прошлогодний успех, тиражировать его. Главное теперь — новая работа. Снова поиск, риск, надежды. Что же, ведь он вечный заложник музыки. ■

А. ШУНАВИКИН

фото А. ЛИДОВА

Его голос звучит ежедневно с раннего утра в различных передачах французского радио. В крупных универсальных магазинах репродукторы транслируют его песни: дирекция знает, как привлечь покупателя. На зданиях французской столицы — афиши с объявлением о предстоящих концертах певицы в огромном парижском зале «Зенит». О ней говорят, ее пластинки — нарасхват...

Патрисия Каас — новая звезда на небосклоне французской песни. Впрочем, она не любит, когда о ней так говорят. Слава не вскружила ей голову. Она не терпит заносчивости и горделивости в характере людей. Ей 23 года. Хрупкая, изящная фигурка. Открытое лицо с большими ясными глазами. Короткая модная стрижка. И низкий сильный голос, яркий по тембру, с небольшой хрипотцой, как характеризует его сама певица.

Родилась Патрисия в семье горняка в небольшом местечке близ города Форбак в промышленном районе провинции Лотарингия, рядом с ФРГ. У нее пять братьев и сестра. Отец — француз, мать — немка. И девушка свободно говорит на двух языках. В 8 лет Патрисия начала петь на школьных ве-

МАДЕМ

черах, в рабочих клубах, на воскресных пикниках. Маленький любительский оркестрик пригласил девочку в турне по району вокруг Форбака. И когда в 13 лет Патрисия стала лауреатом на местном конкурсе песни, она, посовествовавшая с матерью, приняла решение: оставить школу (закончит ее потом) и согласиться на контракт певицы в одном из кабаре западно-германского города Саарбрюкке-на.

И вот семь лет трижды в неделю Патрисия по вечерам выходит на сцену. Гулко билось от волнения сердце девушки, когда она пела шлягеры из репертуара своего кумира — киноактрисы и певицы Марлен Дитрих. Ведь это сама Патрисия теперь исполняла песни Дитрих и это ее награждали восторженными аплодисментами. Однажды молодую певицу случайно услышал французский архитектор Бернар Шванц. Страстный меломан, он был очарован и голосом Каас, и каким-то особым, свежим стилем в подание песен, неординарностью исполнения. Он предложил ей попытать счастья в Париже.

По его приглашению девушка приезжает в столицу. Ее первую пластинку выпускает на свои средства известный актер Жерар Депардье. Поначалу никакого восторженного отклика эта пластинка

На восьмой
звонкой
странице — песни
Андрея Мисина
на стихи
Иманта Зиедониса
«Чужой»
и «Одиночество-
сестрица».

эффектах долго не протянешь. Отсутствие профессионализма в конце концов сказывается. Что же касается Андрея Мисина, то консерватория дала ему не только музыкальную культуру, профессиональную выучку, но и открыла ему особый мир искусства, и Андрей стал его счастливым заложником...

После консерватории он играл в ресторанах, выступал в цыганских коллективах, в группе «Час

не вызвала. Но на Каас обращают внимание в кругах парижского шоу-бизнеса. Продюсеры фирмы грампластинок «Политор» подмечают особую манеру исполнения Патрисии, изящество, с которым она держится на сцене, ее любовь к джазу. Профессионалы решили, что дело пойдет, если для певицы заказать песни в джазовых традициях с простым текстом, который нес бы в себе детали ее собственной биографии, и, конечно, если обеспечить рекламу. Композитор Дидье Барбеливье пишет песню в ритме блюза. И вот в 1987 году сенсация. Диск с песней «Мадмуазель танцует блюз» расхвачен почти мгновенно. Тираж — полмиллиона экземпляров, пластинка выходит в Швейцарии, Бельгии, ФРГ, Австрии, Японии, Голландии... Так приходит слава. Патрисию стали называть во Франции Мадмуазель Блюз.

В 1989 году одна из ее песен получает премию «Песни года». Следуют другие ее пластинки. Снова подчеркнут стиль «ретро», стиль старого кабаре, блюзовый характер мелодий.

— Почему вы избрали именно этот стиль? — спрашивают Патрисию Каас. И она отвечает:

считают новой «посланицей французской песни». И, конечно, концерты. Патрисия считает, что подлинную оценку певцу публика дает не по его выступлениям на радио или по пластинкам, а в зале, когда он остается со слушателями лицом к лицу.

Истинную свою популярность у французской публики Каас почувствовала, когда вышла на сцену парижского эстрадного зала «Олимпия», принимавшего стольких прославленных артистов.

Это был ее экзамен. Зал гремел овациями. А она перед каждым выходом на сцену, стоя за кулисами в артистической ложе, крепко прижимала к груди своего плюшевого медвежонка.

Патрисия Каас, дочь горняка из Лотарингии, никогда ранее не училась музыке, ей никогда не ставили голос. Но она с детства любила танцевать и петь, ее талант развился благодаря семейной песенной традиции. Парижская публика буквально влюбилась в редкий талант, влюбилась как бы в самую молодость и жизнь.

— Журналисты любят громкие имена, как и громкие фразы. Меня начали сравнивать с Эдит Piaф или с Мерилин Монро, — говорит

Патрисия. — Это кощунственно, я этого не принимаю. Почетно, но несправедливо. Мне еще нужно много, ох как много работать. И я хочу, чтобы у меня был мой собственный стиль, чтобы во мне признавали только меня. Знаете, каждый день для меня — светлый праздник, если я знаю, что в этот день буду петь...

Если Патрисия приедет в Советский Союз и вам почастливится попасть на ее концерт, преподнесите ей красивые розы. Это ее любимые цветы...

Анатолий ПОТАПОВ

Париж — Москва

УАЗЕЛЬ БЛЮЗ

— Я всегда любила блюз, с него начала свои выступления в кабаре, думаю, что это в какой-то мере отвечает тембру моего голоса.

А французская публика, уставшая от безумного нашествия рока, живо откликнулась на обновленное «ретро», почувствовав в исполнении Патрисии какую-то особую сочность, акценты именно французской песни.

Париж принял Патрисию Каас. Но она так и не привыкла до сих пор к огромному, шумному городу и поэтому старается уезжать из столицы в Лотарингию, к семье, где ее любят и ждут. В программке к первой гастрольной поездке Патрисии по Франции были такие слова: «Посвящаю это первое турне человеку, которого я люблю больше всего в мире, который сформировал мой характер, волю, открыл мне дорогу к песне и для которого я буду петь всю жизнь. Для тебя, мама...»

В маленькой, скромной квартирке, которую Патрисия сняла в квартале Сен-Жермен-де-Пре, на стене — портрет Марлен Дитрих, на диване — белый плюшевый медвежонок, подаренный в день первой записи, — талисман, с которым она никогда не расстается.

Впереди — планы, запись новых песен, гастроль в Японии, Испании, Советском Союзе. Каас уже

На девятой звуковой странице

в исполнении Патрисии Каас вы услышите песни

Д. Барбеливьена и Ф. Бернейма «Мой парень» и «Воспоминание о востоке».

9

ЗНАКОМСТВА

Посвящается памяти экипажа и десанта, погибших при катастрофе самолета Ил-76 18 октября 1989 года.

Руководитель полетов кричал с земли в микрофон экипажу: «Запрещая сниженье!». Он все еще надеялся, что что-то можно исправить... Но самолет не снижались — падал.

...В парашютно-десантной части они еще продолжали жить. На фототрафиях в стеногазете — ее выпустили накануне отлета на задание да так до сих пор и не сняли. В письмах родных и любимых, полученных за последние дни, — эти конверты дожидались возвращающиеся ребят. Хранило прикосновение рук старательно отужоженное парадное обмундирование — двенадцать человек, уходящих в запас осенью, заранее приготовили его в дорогу домой.

— Почти все восьмая рота погибла, — сдавленным стоном вырывается у Героя Советского Союза гвардии полковника В. Востричина, командира части. — Если б вы знали, какая рота!

С Вострициным знакомы давно. Еще по Афганистану. Но сейчас он неузнаваем: почерневший, осунувшийся, ушедший в себя.

«Черный ящик» раскрывает свою тайну

— Командир роты капитан Николай Зорев, тоже Афганистан прошел, а сложил голову дома, — продолжает Валерий Александрович. — Его замполит, лейтенант Евгений Бородулин. Командиры взводов лейтенанты Сергей Петров и Игорь Резниченко всего год как окончили училище. У старших роты прапорщики Юрия Арсенова четверо детей сиротами остались...

И так сжато, без лишнего слов о каждом из тех, кто навсегда остался в черкнувшем флакелом по вечернему небу Ил-76. У них, у десантников, не было тогда парашютов. А вот у экипажа были.

Спустя несколько дней после катастрофы над Каспием в полку военно-транспортной авиации однополочане погибшего экипажа 569-го, молча, с комом в горле, слушали записанный на магнитную ленту радиообмен с руководителями полетов и теми, кто был уже обречен.

Их голоса — завещание всем нам, живущим. Завещание людей, характеры которых — в поступках, возвышающихся над расудочным инстинктом самосохранения, над логикой прагматика. Да, каждый член экипажа имел личный парашют, но никто не обратился к ко-

мандиру с предложением покинуть самолет.

Хороший пилот отличается от плохого еще и тем, что он знает, как не надо летать. Они это знали. В безнадежной, гибельной ситуации, какой еще не случалось в летной практике, когда шансов на спасение, как показало расследование, по существу, не оставалось, Александр Калмыков и каждый член экипажа действовали безупречно, так что эти действия потом вошли в летные инструкции и наставления.

Бортовой самописец, так называемый «черный ящик», поднят вскоре со дна моря поисково-спасательной группой, бесстрастно зафиксировал огромные физические усилия, с какими летчики налегали на штурвалы и не выпускали их из рук, пока не прекратилась запись, то есть до самой последней секунды полета. Никакой спешки в радиообмене — словно обычная работа понимающих друг друга с полуслова профессионалов. И не красующихся собственным мужеством людей. Впрочем, вы все услышите сами...

О том, как вели себя и что испытали находившиеся на борту десантники, не услышит никто. И никто никогда не узнает!

А в части еще одна новость: приехавший на похороны двоюродного брата Геннадий Бурьяновский, которому в армию через несколько дней, обратился к командиру с просьбой: призовите в 8-ю роту! Места погибших заняли и ныне проходящие службу гвардейцы. Лучшие, как были лучшими и погибшие — прекрасными парнями, отличными солдатами, чуткими, любящими сыновьями.

— Вадим писал мне: «Отслужу, мама, и поеду работать на Север, — рассказывала Н. В. Воробьева. — И шубу куплю тебе, старая совсем прохудилась!». Сколько помню — всегда вокруг него были ребята. После школы ПТУ окончил, немного поработал, а потом — армия. Девять месяцев отслужил...

В общем-то все они близнецы-братья. И судьбы парней из восьмой роты схожи, как у близнецов: школа, потом почти сразу же призы на срочную службу.

И главное, социально значимое, что успели они совершить за свою короткую жизнь, было сделано ими в армии, наследнице армии Победы.

Вечером сидит с десантниками восьмой роты. Поминальный блином висит на небе луна.

«КРЕН ВЕЛИК!»

Но мы знаем, что они прилетели в Баку для оказания помощи в поддержании порядка, охраны жизненно важных коммуникаций, объектов, мостов. Когда обстановка нормализовалась и был отменен комендантский час, полк должен был вернуться на место дислокации, на Украину. И только вернувшись в часть, многие узнали, что стартовавший шестнадцатым по счету борт 76569 загорелся и рухнул в море.

От 8-й гвардейской роты остались два офицера, двадцать шесть солдат и сержантов — водители боевых машин да те, кто был в отпуске или в командировках. Погибла рота. И все же будет жить 8-я парашютно-десантная. Едва самолет командующего ВДВ (на нем мы с родителями погибших летели на похороны в часть) взлетел с московского аэродрома, к генерал-полковнику Ачалову подошел отец рядового Александра Хазова Юрий Павлович и сказал:

— Нашего младшего сына Павла недавно призвали в армию, попал в Забайкалье. Если возможно, пусть он займет место Саши.

Тут же, из самолета, генерал-полковник Ачалов связался с Москвой, и его запрос пошел в Генеральный штаб.

— Говорит только о пятнадцати бакинских днях роты, только об этой трагедии несправедливо, — размышляет сержант Виктор Арнольд. — Ведь были еще 300 дней в Армении, Нагорном Карабахе. Мы приходили на помощь в самые горячие точки, и даже тогда наше присутствие, чувствовалось, стабилизирует обстановку, приглушает страсти.

— Правда, не везде хлебом-солом встречали, — замечает рядовой Александр Суслев.

Вот и в Баку явились они охранять спокойствие, безопасность и жизнь других. А сами... Невольно не отступает вопрос: мог ли быть исход этого полета иным? Мог ли экипаж дотянуть до взлетной полосы, спасти десант, себя, самолет? С того дня, когда Ил-76, потеряв летные качества, огненным флакелом упал в море, прошло больше полугода, а вопросы эти продолжают терзать душу. И это по-человечески легко понять. «Крен велик!» — последние слова речевого информатора, которые легли на магнитную ленту (когда на борту возникают экстремальные ситуации, автоматически включается запись женского голоса, сделанная заранее, — информация о ЧП).

А. Андрияш,
старший воздушный стрелок.
18.27.43:

«Командир! У нас левый двигатель горит!»

... 37.11: «Крыло рухнет, двигатель отпадет, плоскость горит!»

А. Калмыков,
командир полка,
командир корабля.
18.27.47:
«Применить пожаротушение!»
... 34.38: «Посадка без выпуска механизации, с голым крылом. Предупреди!»

В. Вологин,
помощник командира.
18.28.48:
«Пожар первого двигателя. Захожу на внеочередную посадку. Обеспечьте посадку!»
... 37.58:
«Командир, на себя!»

Ф. Закиров,
штурман полка.
18.35.20:
«На курсе, на курсе прямая».
... 36.58:
«Удаление 12, высота 500».
... 37.43:
«Удаление 8».

Е. Андреев,
старший борттехник.
18.30.43: «Шасси задние выпустились, передние — нет».
... 36.21: «Вес у нас... ну, такой же, как на взлёте был».

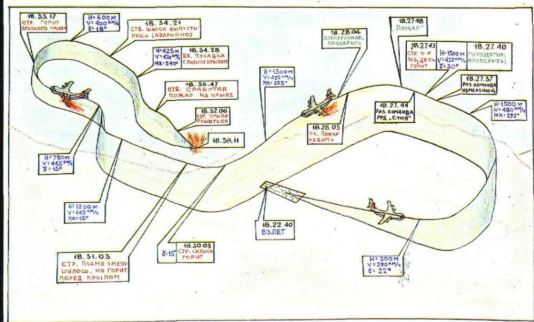
А. Пестерев,
борттехник по авиадесантному оборудованию.
18.37.45:
«К открытию дверей и люков готов!»

И. Краюхин,
инженер полка.

Ю. Гавриков,
начальник связи полка.

А. Гашимов,
старший техник группы обслуживания.

Схема полета самолета

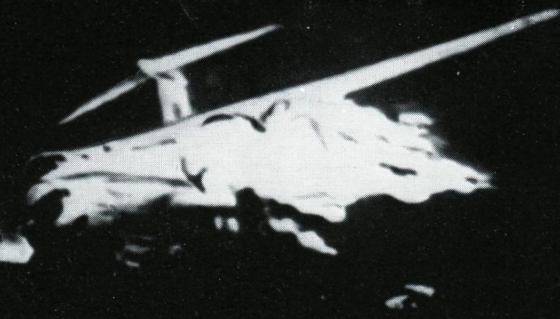
Бездушный аппарат прав по существу: велик трагический крен, в том числе и в авиации. Выводы комиссии, разбившейся в причинах катастрофы, не дают повода для произвольных толкований: «Катастрофа произошла из-за не локализованного разрушения двигателя № 1, повреждения топливной системы, возникновения пожара, что привело к потере несущих свойств крыла и его разрушению, невозможности благополучного завершения полета. Разрушение двигателя произошло в результате обрыва вала турбины низкого давления вследствие разрушения межвалового подшипника». Именно из-за этого конструктивного дефекта в военно-транспортной авиации с февраля 1979 года досрочно сняты десятки двигателей. Но радикальных мер, способных коренным образом поправить дело, Министерство авиационной промышленности не приняло до сих пор...

Матери, вдовы, невесты зашлись в крике над выросшим холмиком украинской земли. Вместе парни служили, вместе погибли и вместе спят теперь вечным сном. В нашем сознании отложилось, что только война оставляет на полях следы, рубцями братских могил. Слово военное лихолетье дохнуло, постучало в наше сегодня сквозь толщу десятилетий.

— Рота, подъем! — кричит девальный по 8-й парашютно-десантной, как только занимается утро нового дня.

— Экипажи, на вылет! — звучит приказ по полку, бывшему калмыковскому.

Николай БЕЛАН,
Владимир КОРЖАВЫХ,
военные журналисты
(специально
для «Кругозора»)

3

На третьей звуковой странице — последние минуты полета 569-го, зафиксированные «черным ящиком». Этот трагический звуковой документ подготовил для журнала Борис Барышников.

ВЕЧНО ЖИВЫЕ

Дом-музей
П. И. Чайковского.
Набережная
города
Воткинска.
Фото
Е. ЗОРИНОЙ
и А. ЛИДОВА

Трудно быть маленьким городом. Сам мал, а проблемы большие. А если еще расположен у черта на куличках, то из столицы его не видно, и жителям его приходится совсем не сладко.

Впрочем, к городу, о котором мой рассказ, это не относится. Он виден не только из Москвы, но и из-за рубежа, да что там — даже из-за океана. Но проблем у него от этого только прибавилось.

Воткинск. Второй год в нем живут американцы. Приехали в связи с конверсией, проводимой на машиностроительном заводе. Группа

больше всего поразило — никто внимания на них не обратил, ни у кого не дрогнуло сердце. Привычное, значит, дело. Забота о своей «малой родине», хозяйская социальная активность населения близки, пожалуй, к нулю. А ведь во многих городах и вслах перестройка пробудила людей, породила желание сделать свой город, свою улицу наряднее, чище.

А в Воткинске — тишина. Оглушающая тишина!

Не объяснишь же это тем, что долгое время Воткинск был закрытым городом. Иностранцу сюда нельзя было и шагу ступить. Более половины взрослого населения работает в производственном объединении «Воткинский завод» — оборонном предприятии союзного значения. Вот эта долго господствовавшая секретность и отбила у людей, невольно привыкших чуть ли не к казарменной дисциплине, охоту проявлять самостоятельность, творческий дух, самодельность в обустройстве, украшении или хотя бы наведении элементарного порядка и чистоты в родной обители. Нет, не выветрился еще из души людей этот дух, как бы это помягче сказать, подневольности, что ли, страха сделать лишнее слово. Едва я за-

строительство, и, хотя основные расходы отводятся просвещению и здравоохранению, не могут быть жители здоровы, бодры, культурны, если город их являет картину запустения и равнодушия и власти предрержащих, и самих горожан.

Итак, на Воткинском машиностроительном заводе — конверсия. Его производственные мощности переводятся, частично, правда, на гражданскую, как принято говорить, продукцию. А вот конверсия в умах и душах воткинцев, увы, пока что-то происходит медленно. Как мне показалось, психологически город, вернее, его повседневная жизнь до сих пор остаются закрытыми. А ведь в городе есть духовные силы, интеллектуальная энергия, которая пока дремлет под спудом. Я говорю о местной интеллигенции — инженерах, врачах, педагогах, которые могли бы поднять людей, чтобы и город, и жизнь в нем преобразить, сделать чище, богаче, интереснее.

И, наконец, славу, гордость, нравственную и интеллектуальную опору города составляет уже одно сознание того, что Воткинск — родина Петра Ильича Чайковского. В этом году горожан ожидают радостные хлопоты — в мае отмечается 150-летие со дня рождения

ГРАНИ ПЕРЕСТРОЙКИ

ВОТКИНСК. КОНВЕРСИЯ ДУХА

Хотите
пройтись
по улицам
Воткинска,
познакомиться
с горожанами,
узнать их
настроения,
надежды —
слушайте
четвертую
звучную
страницу.

контроля. «Что лично мне понравилось, — сказал местный житель, — так это то, что абсолютно никакой показухи не было». Хотя, как говорится, было что замести по углам. Город неухожен, не прибран. Впечатление такое, будто и отцы города, и жители его свыклись, притерпелись с захлмленными улицами, обшарпанными домами. Представьте себе такую картину: молодая, хрупкая на вид женщина едва ли не от самого дома до автобусной остановки тащит на руках ребенка, которому годика два, не меньше. А грязь кругом непролазная. И что меня

говаривал с кем-нибудь, как меня тут же просили выключить микрофон и категорически отказывались называть себя. Как хотелось бы, чтобы теперь, когда в цехах вводится конверсия, снимается с производства эта кабанья секретности, люди почувствовали бы себя раскрепощенными.

Сказывается на психологии жителей города, видимо, и то, что те, кто на машиностроительном заводе, по своим бытовым условиям явно уступают заводчанам. Им отвечают — и это, казалось бы, резонно, — что эти разные блага не подарок государства, а заработаны коллективным напряженным, честным трудом. Воткинский завод уже около двух десятилетий ежеквартально побеждает в сорсоревновании среди родственных предприятий. Вроде бы все справедливо. Но в городе живут и учителя, которые учат детей заводчан, и врачи, которые их лечат, и продавцы, парикмахеры, да мало ли еще кто, которые их обслуживают. Какая же это социальная справедливость? Ведь и те, и другие создают экономический потенциал города, уровень жизни в нем, его атмосферу, настроение.

Много больших проблем у маленького города. Не хватает средств, выделяемых на благоу-

композитора. Съедутся гости со всех концов страны и из-за рубежа. Работники музея-усадьбы Чайковского прилагать все силы, чтобы завершить реставрацию музея. Внешний вид усадьбы и интерьер восстановлены по письмам Ильи Петровича, отца композитора. Все будет, как полтора столетия назад: и фруктовый сад, и постройки, и даже конюшня. Так что желающие смогут, наверное, проехать в экипаже по центральной улице города. Жаль только, что открывающаяся ей широкая картина вряд ли доставит большое эстетическое удовольствие.

Не пора ли и воткинцам, которые, конечно же, любят свой город, хотя пока странной, не очень-то активной любовью, не пора ли им перестать сетовать на запущенность улиц и домов, слабо пульсирующую его духовную жизнь, вернуться на местную советскую власть, которая мирится с этим. Многие могут сделать сами предпринимчивые горожане, его интеллигенция, молодежь, чтобы превратить Воткинск в красивый, уютный город, в котором утвердятся нравственная и духовная атмосфера, достойная его трудолюбивых жителей.

Владимир МАРТЫНОВ
Воткинск

«Я желал бы всеми силами души, чтобы музыка моя распространялась, чтобы увеличивалось число людей, любящих ее, находящихся в ней утешение и подпору», — эти слова П. И. Чайковского цитируются очень часто, настолько точно и полно выражают они конечную цель его творческих устремлений. В другой раз композитор — и тоже в письме, то есть в документе сугубо личном, — пишет, что, если бы ему пришлось выбирать между любовью критики и любовью публики, он бы выбрал вторую.

Да, Чайковский обращался к слушателю непосредственно, от сердца к сердцу, выражая в музыке судьбу прежде всего отдельного человека. Он создавал произведения в самых распространенных тогда жанрах бытового музицирования — фортепианные пьесы, романсы, вокальные ансамбли; их издавали и переиздавали, перекладывали для исполнения в четыре руки и для разных инструментов, печатали в журналах. В своем музыкальном языке он опирался на интонации русской городской песенной лирики, силой гения возвышая и обобщая знакомое, привычное. И — главное — самый облик Чайковского, каким он выступает прежде всего в музыке, но также и в литературных документах (свыше пяти тысяч сохранившихся писем! — тоже потребность высказаться, прикоснуться к другому человеку), — облик этого художника, духовный и душевный, созвучен и своей противоречивой эпохе, и неизбежному драматизму каждой человеческой судьбы. Он мрачно оценивает жизнь, полон сомнений, он мечется в поисках некой универсальной опоры, ищет ее в религии, философии, истории. Лишь с громадным трудом, напряженными усилиями пробивается он к свету, к жизнеутверждению и тогда создает страницы, наполненные радостью.

Именно отражение, выражение мироощущения современного ему русского человека — его чаний, надежд и горестей — делают Чайковского художником глубоко и истинно национальным. Музыкальный критик Г. А. Ларш, проникательнее и раньше других оценивший дар своего соученика по Петербургской консерватории, справедливо заметил, что для России 80-х Чайковский был как национальный композитор, тем же, что Верди для Италии 50-х годов.

Слушатели — и в городах России, и в странах Европы, и в Америке, где его музыку исполняли лучшие оперные коллективы и симфонические оркестры, известнейшие пианисты и певцы, где он и сам многократно дирижировал своими сочинениями, — отвечали Чайковскому горячим признанием. Конеч-

но, неправильно было бы утверждать, что весь без исключения творческий путь мастера был безоблачен, вовсе нет. Его первые оперы «Воевода» и «Ундина» не удались и были им уничтожены, его следующие оперные произведения часто встречали непонимание — даже «Евгений Онегин»! Со страниц газет композитора нередко наступала язвительная, уничижительная критика. И в XX столетии оценка творчества Чайковского была весьма неоднозначной. В первые десятилетия раздавались голоса об устарелости его музыки. После революции композитора долго клеймили как «певца меланхолических настроений». Уже в последнее время в мировой литературе можно встретить высказывания о банальности его сочинений. Но все же композиторскую судьбу Петра Ильича Чайковского можно назвать счастливой.

Однако при этом вполне ли мы представляем себе масштаб этого художественного феномена? Риску утверждать, что нет. Сегодня, в дни полуторжественного юбилея Чайковского (он родился в 1840 году) и уже совсем близкие к столетию со дня его смерти (1893), есть потребность и возможность пристальнее взглянуть, послушаться в его огромное наследие

и безбоязненно сказать о нем как об универсальном гении.

Мир музыки Чайковского охватывает всю человеческую жизнь — от ее начала до конца. Необычайно богаты образы детства, например, в «Детском альбоме» для фортепиано или Шестнадцати песнях для детей. В первом из названных циклов — как бы целый день жизни ребенка: тут и «Игра в лошадки», и три пьески, образующие «малый цикл», — «Болельщик куклы», «Похороны куклы» и «Новая кукла», — и образы мамы, няни, и пьеса «В церкви»... Популярными остаются и детские песни, а среди них — «Мой Лизочек так уж мал...» — слова (чуть измененные) Константина Аксакова, в то время еще не опубликованные (каким образом стали они известными Петру Ильичу — одна из загадок). И какой яркой, контрастной, полной глубоких переживаний предстает страна детства в последнем, лучшем балете «Щелкунчик»!

Молодость, любовь воспеты композитором и в одной из драгоценнейших жемчужин его симфонического творчества — «Ромео и Джульетта», и в оркестровой фантазии «Франческа да Римини», и в десятках романсов (вспомним: «День ли царит», «Хотел бы в единое слово», «Нет, только тот, кто знал...») и в каждой опере. Часто любовь сопрягается с трагическим крушением надежд на счастье (Татьяна в «Онегине»), за любовью по пятам следуют безумие (Мария в «Мазепе», Германн в «Пиковой даме»), смерть (Иоанна — Жанна д'Арк в «Орлеанской деве», Кума в «Чародейке», Лиза и Германн...). Гораздо реже — в «Иоланте», в «Спящей красавице» — слушателю-зрителю уготован счастливый конец, торжество любви.

Извечное единство жизни и смерти воплощено Чайковским с поражающей силой. Сразу думаешь о Шестой симфонии с ее небывалым, не слыханным до того в мировой симфонической культуре финалом — медленным и безысходно трагичным. Звучание в Шестой подлинное древнее мотивы из православной заупокойной службы «Со святыми упокой», а также собственно биогрифический факт — неожиданная смерть композитора спустя считанные дни после первого, под управлением автора, исполнения этой симфонии заставляют воспринять ее как своего рода русский реквием.

Справедливо сказано, что «Евгений Онегин» Пушкина — энциклопедия русской жизни. Это же можно сказать и о творчестве Чайковского. Несмотря на присущую романтикам субъективность, он как русский человек, как современник Льва Толстого и Достоевского отразил действительность правдиво, широко и мощно. Достаточно

УТЕШЕНИЕ И ПОДПОРА

К 150-летию со дня рождения

вспомнить хотя бы его Четвертую симфонию с ее концепцией «выхода» лирического героя к народу, в народ. И отнюдь не потому только, что в финале этой симфонии звучит «Во поле береза стояла».

Важно и то, что народная песня вообще органично включается в звуковой мир Чайковского как близкое, родное, сказанное «от первого лица». Известно, что, слушая медленную часть Первого квартета, где привольно и задумчиво звучит песня «Сидел Ваня», Лев Николаевич Толстой разрыдался. Но есть у Чайковского и своя «малая энциклопедия» — имею в виду двенадцать пьес для фортепиано «Времена года». Первоначально они, месяц за месяцем в течение 1876 года, печатались в популярном журнале «Нувелист». Русская природа («Песня жаворонка», «Подснежник», «Белые ночи») и жизнь русского человека — обряды («Святки», «Масленица»), труд («Песня косаря», «Жатва»), отды («У камелька») — составляют единую многомерную картину. Широтой, динамикой, тонким воплощением национального характера выделяется среди этих прекрасных пьес «На тройке», она запечатлена в гениальной интерпретации С. В. Рахманинова — самого прямого наследника Чайковского в отечественной музыке.

Универсализм Чайковского выразился и в жанровом многообразии его композиторского наследия. В истории русской музыки мы не найдем больше ни одного композитора, который бы создал и оперы, и балеты, и музыку к драматическим спектаклям, и симфонии, и сюиты, и концерты для отдельных инструментов — фортепиано, скрипки, виолончели — с оркестром, и кантаты, и хоры, и камерно-инструментальные сочинения — трио, квартеты, секстет...

К жанру многоактного балета до Чайковского вообще не обращались ни один крупный русский композитор, и его «Лебединое озеро» открыло огромное новое направление, продолженное и «Раймондой» Глазунова, и позже балетами Стравинского.

На пороге 80-х годов, отвечая потребности национального музыкального самосознания, Чайковский — тоже первый среди русских композиторов-классиков — создает сочинения в традиционных певческих жанрах: «Литургия», «Всенощное бдение» и другие. В церкви, в том единственном тогда месте, где к музыке приобщались все сословия русского общества, каждый человек, зазвучали хоры не второстепенных «ремесленников», а созданные великим мастером. Тогда же возникла и традиция исполнения их на концертной эстраде, возрождаемая в наши дни.

Все эти тыщи тысячи и тысячи страниц музыки совершенны, каждая ли — шедевр? Нет, конечно, нет. Да и возможно ли это вообще при таком громадном объеме сочиненного? И не является ли это оборотной стороной профессионализма? Ведь Чайковский впервые в отечественной культуре явил собою тип композитора-профессионала во всем полноте и всех аспектах этого понятия. Разумеется, и Глинка, и Даргомыжский, и Бородин, и Балакирев обладали высочайшим профессионализмом, но лишь Чайковский и получил систематическое музыкальное образование в высшем учебном заведении — первой русской консерватории, организованной его учителем А. Г. Рубинштейном, и зарабатывал на жизнь композиторским трудом. Вдохновенный творец, он не ждал, не мог ждать минут вдохновения, работал ежедневно, много писал по заказу издателя или театра. И, заметим, среди «казанского», написанного к сроку и на предлоленную тему, встречаются нередко и наиболее лиричные, вдохновенные вещи: автор спешил на встречу слушателю, на встречу со слушателем.

Глубоко русский человек, Петр Ильич Чайковский был открыт всему западному миру, и в этом тоже одна из граней его универсализма. Сюжеты Данте и Шекспира, Шиллера, сюжеты и стихотворения Байрона, Гете, Гейне, Годмана, Перро превращены в его музыку наряду с сюжетами и текстами Пушкина, Гоголя, Тютчева, А. Н. Островского, А. К. Толстого, Мая, Плещеева... Кумирами его были и Глинка, и Моцарт. В архиве его хранятся письма музыкантов и простых слушателей из десятков городов не только России, но и из Парижа и Берлина, Праги и Нью-Йорка, Лондона и Лейпцига, многих, многих других мест. Почти всю жизнь кочевавший и лишь в последние годы прочно обосновавшийся под Москвой, он сумел — захотел! — сохранить несколько тысяч писем от почти тысячи корреспондентов.

Вступивший в неиссякаемый, заинтересованный, глубоко личный, искренний диалог со своей эпохой, Чайковский близок, понятен, дорог и сегодня, и нам. Диалог продолжается. ■

Людмила КОРАБЕЛЬНИКОВА,
доктор искусствоведения

На пятой звуковой странице: «Мой Лизочек» в исполнении С. Лемешева и (редкая запись!) «На тройке» в интерпретации С. В. Рахманинова.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

КОГДА БЫЛА ВОЙНА...

На шестой звуковой странице — фрагмент песни Александра Галича «Баллада о вечном огне» в исполнении автора.

Фото
А. ФЕДОРОВА

Слушая сегодня его песни, я неизменно возвращаюсь памятью почти на полвека назад — в Грозный, в ту суровую осень 41-го года, когда я познакомился с Сашей Гинзбургом... Александром Галичем он стал значительно позже.

Немцы продвигаются к грозненской нефти, уже эвакуируются учреждения. В городе появился штаб Северной группы войск Закавказского фронта, редакция фронтовой газеты «Вперед, за Родину!». «Все для фронта, все для победы!» — этим жил город, его население и, конечно, наша газета «Грозненский рабочий», где я заведовал отделом литературы и искусства. Ее переводные статьи пестрели призывами: «Все силы — на защиту родного города», «Враг не запустит моторы грозненским бензином», «К оружию, горцы!».

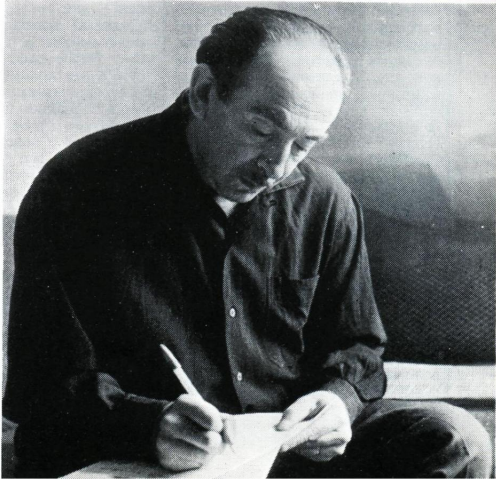
Как-то днем, после очередной вражеской бомбежки, в редакцию пришли два молодых грозненских режиссера — Константин Борцевский и Владимир Вайнштейн.

— Мы за помощью, — сказали они. — Не может город в такое время оставаться без искусства. Не успевают в эвакуацию человек восемь актеров, есть певец из филармонии, есть парнишка-танцор (теперь его знает весь мир — это Герой Социалистического Труда, народный артист СССР Махмуд Эсамбаев), наконец, есть мы — режиссеры, — в армию нас пока не призывают, а ехать в эвакуацию мы не хотим. Мы решили создать Театр народной героики и революционной сатиры! Дело за репертуаром.

— А я-то при чем?

— Вот ты и должен написать нам программу!

— Да вы что? Я пишу об эстраде, но никогда не сочинял для эстрады!

Теперь в это трудно верить, но через десять дней программа, состоящая из одноактных пьесок, миниатюр, песен, конференса, была готова. Можно бы подробно вспомнить, что и как играли в этом театрике, как принимали наши программы фронтовики и труженники тыла. Но моя задача иная — рассказать об одном человеке и о его участии в этом театре.

Как-то я шел по главной улице города — проспекту Революции — и обратил внимание на молодого человека, потому что очень уж не подходящий для прифронтового города у него был вид: пиджак в клетку, берет, узконосые ботинки, яркая рубашка да еще гитара за плечами... «У моста патруль стоит, обязательно заберут проверить документы. Примут за шпиона», — подумал я и подошел к незнакомцу.

— Что вы ищете, молодой человек? — спросил я.

— Редакцию или какое-нибудь учреждение искусства, — ответил он.

— Считайте, что нашли и то и другое! Я работаю в редакции и заведу литературную часть театра миниатюр.

— А говорят, бога нет! — замесился незнакомец.

Мы направились в редакцию, и по дороге, а позже — вечером у нас дома, когда жена кормила его обедом и приводила в порядок его нехитрый гардероб, он рассказал нам свою историю. Поэт, бард (тогда, правда, такого слова еще не было в нашем обиходе), артист студии Арбузова, в армию не взяли «по сердечной недостаточности», очень хочет быть полезным поэзии, искусству в эти трудные дни. В ту долгую ночь он много пел, читал стихи...

Утром я привел Сашу в театр. Он удивительно быстро сошелся со всей труппой, как-то сразу стал своим в этом маленьком коллективе единомышленников! У него не было столичного нигилизма, не было у него и натужного желания быстренько стать «душой» общества с помощью сплетен о столичных знаменитостях и неизвестных провинциальных анекдотов.

— Братцы! Что надо делать? — спросил Саша и стал делать все, что нужно было театру, зрителям, фронту наконец. Ему определили место в программе, и он пел под гитару. Песни были не просто фронтовые, а так сказать, с местным колоритом. С фронта уже сообщали о чеченце капитана Мазаяево, о снайпере Ханшапе Нурадидове, их героических подвигах. И Саша писал и пел песни о них. Песни его имели оглушительный успех. Был у нас в театре свой композитор — Александр Халепский, он прида-

вал Сашиним мелодиям кавказский колорит.

Конечно, он стал и одним из главных наших актеров. По внешнему облику, по своей врожденной элегантности Саша очень подходил на роли иностранцев. В театральном обозрении «Москва — Лондон — Нью-Йорк» (фрагты мы черпали из сообщений Совинформбюро) Саша с блеском исполнил роль американского летчика, пел песенки на английском. Ох, сколько же мы тогда натерпелись от Обллита и Политуправления с этими песенками!

Обычно мы давали спектакли в здании Грозненского театра имени Лермонтова, но выезжали и на периферию — в окрестные станицы, рабочие поселки, где зрители были и солдаты расквартированных там частей, и местные жители.

Помню, приехали мы на гастроли в Гудермес. Играли дня три в местном Доме культуры. Закончил последний спектакль, поужинали чем бог послал и разбрелись по пустынным комнатам. Саша со своей гитарой устроился в гримерной, я пошел к нему, и мы разговорились. Нет, не о войне, не о победе, в которой никто не сомневался, а о том, как мы будем жить после войны.

Мечты наши не выходили за рамки простых, естественных человеческих желаний: жить свободно, писать то, что чувствуешь и как понимаешь, меньше зависеть от многочисленного начальства... «Уж очень много надсмотрщиков», — сказал Саша, помолчал и добавил: — Так хочется поехать в Париж, пройти по улицам, описанным Дюма, Бальзаком, Гюго, посидеть в каком-нибудь кафе, как это написано у Эренбурга...» Ох, как мы были наивны! Из всех этих мечтаний сбилось только одно — Саша попал в Париж, попал, правда, не так, как ему хотелось. И его знакомство с Парижем едва ли располагало к романтическому восприятию города. Он попал в Париж не по своей воле и вряд ли до конца дней своих мог забыть, какие трагические, горькие события предшествовали его отъезду во Францию.

В своей книге «Публицист на эстраде», которая выходила в 1981 году в издательстве «Искусство», я рассказал о нашем грозненском фронтовом театрике и, естественно, о Саше Галиче. Но, понятно, все, что я написал о нем, у меня вычёркнули. Об этом еще рано было говорить.

Я счастлив, что дожил до нового времени, когда можно вспомнить все, что было, и все, как было. ■

Матвей ГРИН

Уважаемая редакция!
В дни празднования 45-летия Победы прошу поместить в журнале для ветеранов 1018-го стрелкового Белостокского Краснознаменного ордена Кутузова полка тов. Клюева А. Н., Алханова Ф. М., Родинова Е. А., Ширяева А. Ф., Ратникова З. Н. и других песню в исполнении нашего любимого певца Л. О. Утесова.

Бармин В. С.
г. Москва

На фото:
Л. Утесов и его оркестр передают фронту самолет, кулешный на средства оркестра.
1942 г.

В этом году — 45 лет нашей большой Победы. Центральное телевидение очень хорошее дело затеяло — показывает лучшие фильмы о войне. В связи с этим к вам просьба — опубликуйте в вашем журнале песню из фильма «Батальоны просят огня» в исполнении Николая Караченцова. Музыка Андрея Петрова, стихи Михаила Матусовского. Будем вам очень признательны, потому что именно эта песня, написанная через много лет после войны, необыкновенно волнует и передает те чувства, которые были в наших сердцах в те далекие годы.

И. П. и Н. И. Качины
г. Бийск

Дорогие друзья, на седьмой странице слушайте песни «Днем и ночью» (Н. Дыховичский, Б. Дыховичский, М. Слободский) в исполнении Леонида и Эдит Утесовых и «Минуты тишины» из фильма «Батальоны просят огня» (А. Петров, М. Матусовский) в исполнении Н. Караченцова.

Кадр из фильма «Батальоны просят огня».

5 (314) май 1990 г.
 Год основания 1964

ЕЖЕМЕСЯЧНО-ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

© ИЗДАТЕЛЬСТВО ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА СССР ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ И РАДИОВЕЩАНИЮ 1990 г.

На первой странице обложки — фото А. Лидова

Звуковые страницы изготовлены Всесоюзной студией грамзаписи фирмы «Мелодия» и Государственным Домом радиовещания и звукозаписи.

Сдано в набор 22.03.90.
 Подп. к печ. 22.03.90. Б 05012.
 Формат 84 × 108^{1/2}.
 Бумага офсетная. Офсетная печать.
 Усл. п. л. 1,68.
 Усл. кр.-отт. 6,30.
 Уч.-изд. л. 3,50.
 Тираж 240 000 экз.
 Зак. 2072.
 Цена 1 р. 50 к.

Адрес редакции: 113226, Москва, Пятницкая, 25, «Кругозор».
 ☎ Телефон редакции: 241-67-67.

Орден Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», Москва, А-137, ул. «Правды», 24.
 Главные редакторы Б. И. ХЕССИН
 Редакционная коллегия:
 Б. Б. БАРЫШНИКОВ, Е. М. ВИНЮКОВ, Е. М. ЗАХАРОВ, С. П. КАПИЦА, А. Г. ЛУЦКИЙ, О. П. МЕЛЬНИКОВА, Р. В. ПАУЛИС, Т. С. ПЛИСОВА, Ю. М. РОШИН, А. Я. ЭШПАЙ
 Технический редактор Л. Е. Петрова

О том, что это не что иное, как странная и довольно страшная эпидемия, я стал думать позже, а поначалу всё показалося заурядным недоразумением...

Вода всех видов прекратила идти изо всех кранов около десяти часов утра в то не предвещавшее ничего плохого теплое осеннее воскресенье. Сделав трехчасовую паузу терпеливого ожидания, я позвонил в диспетчерскую и спросил в чем дело.

— Хомут полетел, — ответил мне женский голос без особой ласки, но и беззлобно. «Бывает», — подумал я и направился через квартал к приятелю добриться, умыться и причесаться.

Между тринадцатым и четырнадцатым этажами лифт остановился. Сделав тридцатиминутную паузу терпеливого ожидания, я нажал на кнопку аварийного вызова.

— Хомут полетел, — сообщила мне решетчатое отверстие без особой ласки, но и беззлобно.

В три часа дня аварийная бригада извлекла меня из лифта, повредив во время извлечения молнию на моих брюках, вымазав мазутом рубашку и вывихнув мне правую руку в плечевом суставе. Я вынужден был поехать в травмпункт. На троллейбусной остановке мирно толпились люди. Чуть-чуть окопато батальона. Сделав часовую паузу терпеливого ожидания, я обратился к стоявшему поблизости милиционеру. Он сказал, что троллейбусов сегодня не будет и что люди эти стоят в очереди на завтра. На мой вопрос «что случилось?» он ответил мне:

— Хомут полетел.
 Ответил без особой ласки, но и беззлобно. Тогда я спросил его, почему при таком скоплении народа он не на лошади. Он огляделся и шепнул мне на ухо:
 — Хомут полетел.

Не было еще и половины шестого, когда я подошел к травмпун-

кту. На дверях висело объявление: «ТРАВМПУНКТ ЗАКРЫТ НА РЕМОНТ. ПОЛЕТЕЛ ХОМУТ». Подождавший сторож в порядке индивидуальной трудовой деятельности вылезал вправить мне руку. Пока сторож вправлял мне руку, его жена выстирала мою рубашку, старшая дочь поминала молнию на брюках, а младшая побрила меня, умыла и причесала.

По дороге домой, вспомнив, что проголодался, я зашел в гастроном и встал в очередь к молочному отделу. Когда до прилавка оставалось два человека, продавщица закричала на весь зал:

— Касса! За молоко и творог не выбивай!

Кассирша закричала тоже через весь зал:

— А я и не выбиваю! У меня хомут полетел!

В тот момент я и подумал о начавшейся эпидемии. Догадка моя нашла неожиданное подтверждение утром следующего дня, когда я пришел на работу. Сотрудники вели себя двояко. Одни радовались, другие плакали. Независимо от пола. Экспедитор, стрельнув сигарету, тихо сказал мне, что этой ночью скоростножизно скончался начальник отдела. Известие подкосило меня окончательно. Начальник отдела никогда ни на что не жаловался, не пил, не курил, не жигзеловствовал, по утрам бегадо по средам ходил в сауну...

— Что врачи сказали? — спросил я экспедитора.

— Хомут полетел, — сказал экспедитор и воспринял губами звук вылетевшей из бутылки пробки.

Я уже не сомневался в какой-то дьявольской эпидемии и с ужасом ждал худшего... В ночь со вторника на среду на подходе к городу сошел с рельсов электровоз. Чудом спасшийся машинист заявил корреспонденту «Гудка»: «Все было нормально, и вдруг в тормозной системе хомут сначала поплыл, а потом и вовсе полетел».

В четверг, в разгар рабочего дня, когда практически весь город отдышал и дышал свежим осенним воздухом, произошел чудовищный взрыв на макаронной фабрике, и два района завалило макаронами. Сотрудники мои шаракались в разные версии вплоть до террористического акта. Но я сказал сразу:

— Хомут полетел.

Когда правительственная комиссия сделала сообщение, что «непосредственной причиной взрыва явилось полетевший хомут из-за недозасыпки муки в макаронную массу», меня сначала хотели судить за то, что я знал заранее и не сообщил, но потом наградил...

Жизнь, однако, шла своим чередом. Брала свое, и в третью субботу октября я браброснулся с самой прекрасной женщиной земного шара. В тот же вечер мы отпраздновали грандиозную свадьбу. Гости разошлись часа в четыре ночи, пожелав нам счастливого семейной жизни. Мы вышли на балкон, и я обнял ее, испытывая трепет и нежность, физически ощущая понятие «любовь», которое казалось уже и не столь девальвированным. Слова нам были не нужны... Наваждения последнего времени уменьшались, скукоживались и постепенно теряли смысл. И нас встряла в своем молчаливом достоинстве Природа, которая в высшей гармонии движения не может ни остановиться, ни опоздать, ни сойти с рельсов. И времена года всегда будут сменять друг друга в той чудесозабранной последовательности, в какой это и происходит, даже если бы мы разделили год не на двенадцать, а на сто двадцать месяцев и назвали любовь словом «ненависть»...

Уже посветлело, и я различил контуры еще оставшихся на деревьях листьев. Грядущий день обещал только хорошее. И слово недостающей нотой вошло откуда-то сверху в совершенный аккорд такое знакомое с детства курлыкание. Я поднял голову. В предрасветном небе летела над нами, образуя характерный клин, стая хомутов.

Аркадий АРКАНОВ
 Рисунки М. ВАРЦЕГО

ЭПИДЕМИЯ

На десятой звуковой странице Аркадий Арканов читает свой рассказ «Выборы главврача в стамбульском доме».

Никто не предполагал, что маленький шотландский городок Дамферлайн в 1968 году станет местом рождения легендарной рок-группы «Назарет». Его величество случай свел трех талантливых и обаятельных молодых людей — Дэна Маккаферти (вокал), Пита Эгню (бас-гитара), Даррела Свита (ударные) с гитаристом Мануэлем Чарльтоном. Группа «Шаддетс» уступила место новоявленному «Назарету».

От рок-н-ролла 60-х к хардроку 80-х — вот путь, проделанный вспыхнувшей кометой по имени «Назарет». 22 года творческих трудов принесли ее участникам 21 альбом и популярность во всем мире.

1971 год был, пожалуй, самым удачливым. Они распрощались с ночными клубами Великобритании, где подвизались с первого дня существования, записали свой первый альбом и выехали в первое гастрольное турне в ФРГ. Потом, уже в 1990 году, в Москве, Дэн Маккаферти скажет: «Играя только в Англии и Шотландии, мы никогда бы не добились успеха. Если бы не гастроль, группа попнула бы, как мыльный пузырь. Только выступая с концертами по всему миру, можно выйти на какой-то действительно высокий уровень. Мало быть хорошими музыкантами, надо, чтобы тебя признали».

После гастролей в ФРГ — турне по США. В то же время был записан альбом «Упражнения». Пластинка оказалась не совсем удачной, но музыканты не сдавались. Уже следующие альбомы — «Разамназ», а за ним — «Громкий и гордый» — заставили говорить о «Назарете». С 1973 по 1975 год — стремительный подъем, а скорее прыжок на вершины рок-Олимпа. Пятый альбом — «Рэмпант» («Неистовый») — быстро стал «золотым», а затем и «платиновым». Ну, а следующий альбом — «Собачья шерсть» (1975 г.) — считается вершиной творчества «Назарета».

В следующие два года «назаретяне» записали три альбома, которые по сравнению с предыдущими явно проигрывали. То, что было «вполне достаточно для рок-н-ролла», для

Гости Москвы

«НАЗАРЕТ» ПОСЛЕ НОКАУТА

На одинадцатом
звуковых страницах —
песни группы
«Назарет» — «Синена»
и «Джуджетта».

Фото
Л. ЛАЗАРЕВА

«Назарета» оказалась слишком скромно.

«Черным десятилетием» назвали музыканты свой следующий творческий период. Неизвестно, что бы сделали на их месте другие. Десять лет застоя и неудовлетворенности — этого достаточно, чтобы разбежаться по разным рок-командам и забыть об успехе, как о прекрасном, но коротком сне. Но только не для этих ребят. Слишком много было связано с «Назаретом», слишком много было ему отдано, чтобы предать его. И они продолжали борьбу на рок-ринге. Наконец, в 1989 году после множества нокаутов они собираются с силами и выпускают свой 21-й альбом — «Змеи и лестницы». К «Назарету» вспыхнул новый интерес. Как победители, вышли они в этом году на сцену спорткомплекса «Олимпийский» к радости московских поклонников.

Итак, спасибо «Назарету». И до встречи!

Борис ОБНОВЛЕНСКИЙ

Ламбада совершила переворот на танцевальных площадках мира. А «занесли» этот огненный танец в Европу молодые бразильцы, португальцы и французы — музыканты группы «Каома».

По опросам прошлого года, ламбада — самый популярный танец в дискотеках Западной Европы и Америки. С неохватностью эпидемии он покоряет нашу молодёжь. В переводе с португальского «ламбада» значит «выпад». Это соответствует темпераменту новотанца, вобравшего в себя элементы таких зажигательных танцев, как чича, кумбио, уайно, самба, румба и, что уж совсем странно, рок-н-ролл.

Новый супертанец родился на северо-востоке Бразилии несколько лет назад, но был там запрещен из-за сомнительных па. Однако ламбада преодолела ханжество

и консерватизм, и первыми ее оценили по достоинству сначала в Европе. Как это часто бывает, незадолго до появления танца пришла тейлывая песенка танца пришла с экрана — она звучала в фильме «Грязные танцы». Масла в огонь подлила и история с тяжбой между «Грязными танцами» и группой «Каома» ближайшим фольклорным ансамблем «Харкас», и группой «Каома». Оказалось, что мотив ламбады — не что иное, как несколько видоизмененный вариант одной из песен бразильских музыкантов. Судом подлинность версии установлена, и «Харкас» получит компенсацию в несколько миллионов долларов. Вот такие у них нравы! Страсти кипят, а значит, и Добра-ледежь похозяйничала с ума от этого

танца. Его ритм, темп, пластика с налетом фривольности отбросили назад такие танцы, как мамбо и танго, считавшиеся в свое время «эротичности». Ламбада, несмотря на обстрел критики, продолжает распространяться по странам и континентам со скоростью урагана. В Европе уже продано более двух миллионов дисков с записью различных музыкальных разработок, ее мелодии. Даже у нас в стране уже появились несколько вариантов танца с русским текстом. Так что танцуйте!

На двенадцатой звуковой странице группы «Каома» исполняют два варианта танца — «Ламбада» и «Танцуй ламбаду!».

Фото Алексея Лидова

ТАНЦУЕМ ЛАМБАДУ!

КАМЕРТОН ЭСТРАДЫ